

Саксонские
хроники

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

ВОЙНА ВОЛКА

*В книгах Корнуэлла лучшие описания битв,
какие мне когда-либо доводилось читать.*

Джордж Р. Р. Мартин, создатель «Игры престолов»

Саксонские хроники

Бернард Корнуэлл

Война волка

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Корнуэлл Б.

Война волка / Б. Корнуэлл — «Азбука-Аттикус»,
2018 — (Саксонские хроники)

ISBN 978-5-389-18723-8

Доблестный полководец Утред отвоевал свое родовое гнездо, крепость Беббанбург, но это не означает окончания жестокой войны за целостность средневековой Британии. В Мерсии бушует восстание, в Уэссексе продолжается династическая борьба за трон, и оттуда надвигается прежний враг, на земли Нортумбрии покушается ярл Скёлль со своими воинами-ульфхединами, обретающими в битве свирепость волков. Недруги со всех сторон одолевают Утреда. Неужели он навеки проклят и ему не суждено добиться объединения своей родины? Одиннадцатый роман из цикла «Саксонские хроники». Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-18723-8

© Корнуэлл Б., 2018
© Азбука-Аттикус, 2018

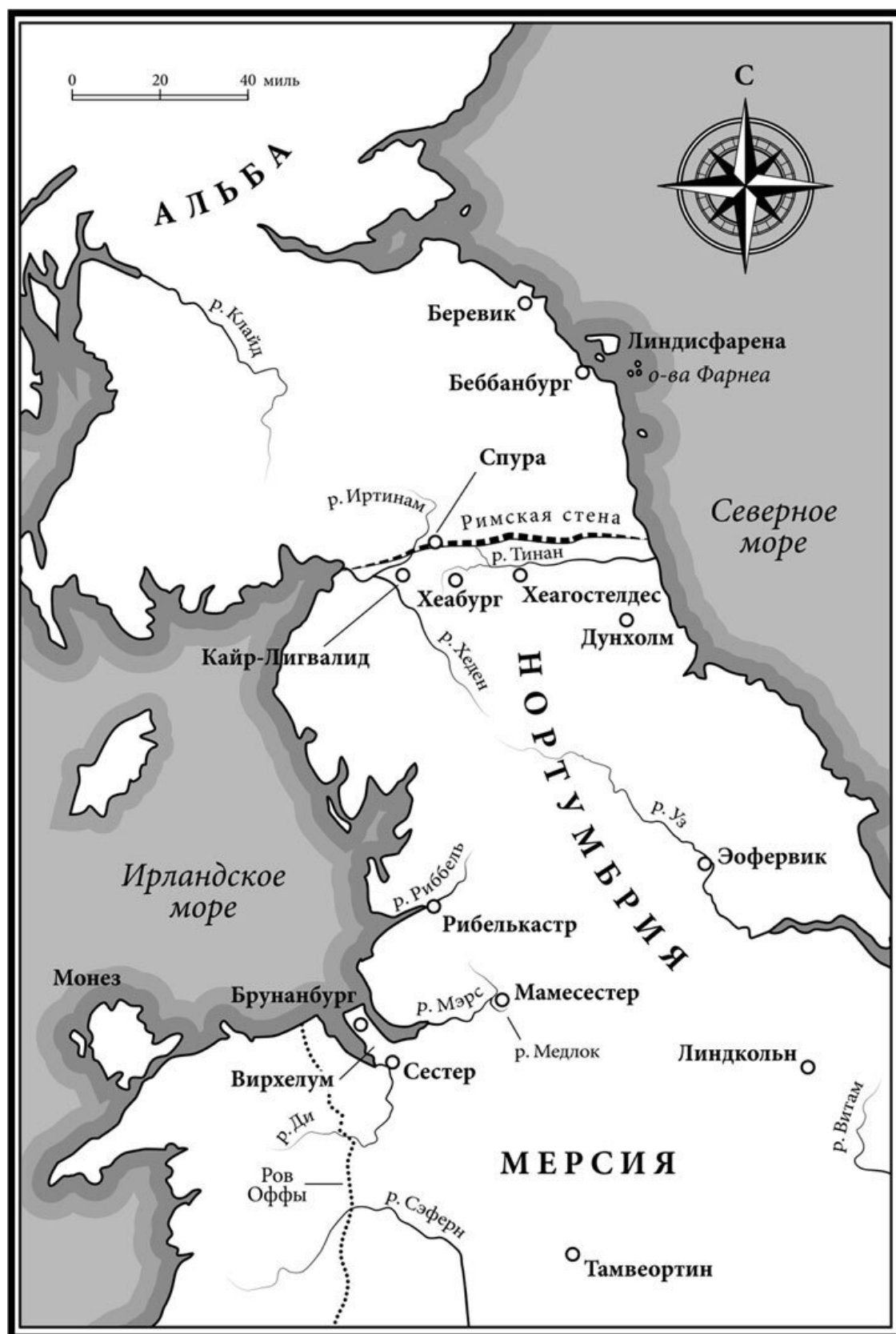
Содержание

Географические названия	7
Часть первая. Дикие земли	9
Глава первая	9
Глава вторая	25
Глава третья	42
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Бернард Корнуэлл

Война волка

*«Война волка» посвящается памяти Тоби Иди, моего агента и
дорогого друга (1941–2017)*

Географические названия

Написание географических наименований в англосаксонской Англии отличалось разнообразием, к тому же существовали разные варианты названий одних и тех же мест. Например, Лондон в различных источниках называется Лундонией, Лунденбергом, Лунденном, Лунденном, Лунденвиком, Лунденкестером и Лундресом.

Без сомнения, у читателей есть свои любимые варианты в том списке, который я привожу ниже. Но я принимаю написание, предложенное «Оксфордским» или «Кембриджским словарем английских географических названий» для эпохи ближайшей или включающей время правления Альфреда – 871–899 годы н. э. Но даже такое решение не гарантирует от ошибок. Название острова Хайлинга в 956 году писалось и «Хейлинсиге», и «Хаэглингейгте». Сам я тоже не был слишком последователен, используя современную форму «Нортумбрия» вместо «Нортхюмбралонд», тем самым избегая намека на то, что границы древнего королевства могли совпадать с границами современного графства.

Итак, мой список, как и выбор написания мест, весьма нелогичен:

Бebbанбург – Бамбург, Нортумберленд

Беревик – Бервик-он-Туид, Нортумберленд

Брунанбург – Бромборо, Чешир

Вишр – река Уивер, Чешир

Вилтунскир – Уилтшир

Винтанкестер – Винчестер, Гемпшир

Вирхелум – полуостров Уиррел, Чешир

Глевекестр – Глостер, Глостершир

Дифлин – Дублин, Эйре

Дунхолм – Дарем, графство Дарем

Иртинам – река Иртинг

Йорвик – Йорк, Йоркшир (датское/норвежское название)

Кайр-Лигвалид – Карлайл, Камбрия

Контварабург – Кентербери, Кент

Линдисфарена – Линдисфарн (Священный остров), Нортумберленд

Линдкольн – Линкольн, Линкольншир

Лунден – Лондон

Мамесестер – Манчестер

Медлок – река Медлок, Ланкашир

Монез – Англси, Уэльс

Мэрс – река Мерси

острова Фарнеа – Фарнские острова, Нортумберленд

Риббель – река Риббл, Ланкашир

Рибелькастр – Рибчестер, Ланкашир

Сестер – Честер, Чешир

Снэланд – Исландия

Спура (вымышленное название) – Бирдосвальд, римский форт, Камбрия

Суморсэт – Сомерсет

Тамвеортин – Тэмворт, Стаффордшир

Темез – река Темза

Тинан – река Тайн

Уз – река Уз, Йоркшир

Фагранфорта – Фейрфорд, Глостершир

Хвит – Уайтчерч, Шропшир

Хеабург (вымышленное название) – Уайтли-Касл, Элстон, Камбрия

Хеагостелдес – Хексам, Нортумберленд

Хеден – река Эден, Камбрия

Хунтандун – Хантингдон, Кембриджшир

Эофервик – Йорк, Йоркшир (саксонское название)

Часть первая. Дикие земли

Глава первая

На похороны Этельфлэд я не поехал.

Ее погребли в Глевекестре в одном склепе с мужем, которого она ненавидела.

Эдуард Уэссекский, ее брат, был главным распорядителем на похоронах и, когда обряд исполнили и тело Этельфлэд замуровали, остался в Глевекестре. Нелепое знамя со священным гусем, что развевалось над дворцом при Этельфлэд, спустили, его место занял дракон Уэссекса. Послание не могло быть более ясным: Мерсия перестала существовать. На всех британских землях к югу от Нортумбрии и к востоку от Уэльса осталось только одно королевство и только один король. Эдуард прислал мне вызов, требуя приехать в Глевекестр и принести ему вассальную клятву за мои земли в Мерсии. На пергаменте значилось его имя в сопровождении титула *Anglorum Saxonum Rex*. Король англов и саксов. Я не откликнулся.

Год спустя пришел еще один документ, на этот раз подписанный и скрепленный печатью в Винтанкестере. Милостью Господа, как говорилось там, земли, пожалованные мне Этельфлэд Мерсийской, ныне переданы епископу Херефордскому, который, как заверял пергамент далее, использует владения сии для умножения славы Божией.

– Иначе говоря, у епископа Вульфхерда прибавится серебра, чтобы тратить на своих шлюх, – сказал я Эдит.

– Может, тебе все-таки стоило поехать в Глевекестр? – отозвалась она.

– И принести клятву верности Эдуарду?! – Я буквально выплюнул это имя. – Никогда! Мне не нужен Уэссекс, а Уэссексу не нужен я.

– Так что ты будешь делать с поместьями?

– Ничего.

Да и что я мог сделать? Пойти войной на Уэссекс? Меня бесило, что земли достались моему старинному врагу, епископу Вульфхерду, но мне самому мерсийские поместья были без надобности. У меня имелся Беббанбург. Я был нортумбрийским лордом и владел всем, чем хотел.

– С какой стати я должен что-то делать? – буркнул я. – Я старый человек, и мне вредно волноваться.

– Ты не старый, – преданно заявила Эдит.

– Старый, – упирался я. Мой возраст перевалил за шестьдесят, так что я был даже не старым, а древним.

– Ты не выглядишь старым.

– Пусть Вульфхерд перепаживает своих шлюх, а мне даст умереть спокойно. Начхать, если я в жизни не увижу больше Уэссекса или Мерсии.

Тем не менее год спустя я был в Мерсии, верхом на Тинтреге – самом злом моем скакуне, – в шлеме, кольчуге и с наточенным Вздохом Змея на левом бедре. Слуга Рорик держал мой тяжелый, окованный железом щит, а за нашими спинами стояли девяносто воинов, все вооруженные и на боевых конях.

– Иисус сладчайший, – произнес рядом со мной Финан. Он разглядывал врагов в долине под нами, пытаясь прикинуть их количество. – Сотни четыре ублюдков? По меньшей мере четыре. А то и пять.

Я промолчал.

Зимний день угасал, стоял жуткий холод. Пар из лошадиных ноздрей облачками поднимался среди голых деревьев, венчавших невысокий склон, с которого мы наблюдали за про-

тивником. Солнце скрылось за тучами, так что предательский отблеск кольчуги или оружия выдать нас не мог. К западу, справа от меня, несла спокойные серые воды река Ди, расширяясь по мере приближения к морю. В низине перед нами располагался враг, а за ним лежал Сестер.

– Точно, пять сотен, – определился Финан.

– Никогда не думал, что снова увижу это место, – пробормотал я. – И никогда не хотел вновь оказаться здесь.

– Они сломали мост. – Финан вглядывался в даль.

– А ты бы поступил иначе, будь на их месте?

Коли речь зашла о месте, то это Сестер, и наши враги осаждали город. Большая их часть расположилась к востоку от стен, но дым костров говорил о том, что их и к северу немало. Река Ди протекала с южной стороны укреплений, затем поворачивала к северу, переходя в широкое устье. Разломав центральный пролет древнего римского моста, неприятель обезопасил себя с юга. Если немногочисленный гарнизон решит выходить из ловушки, прорываться придется на восток или на север, где врагов больше всего. А гарнизон действительно мал. По моим данным, хотя и неточным, город удерживало менее сотни воинов.

Мысли Финана, видимо, текли в том же русле.

– А пяти сотням ни за что не взять город? – с иронией заметил он.

– Или, скорее, шести? – предположил я.

Сложно было определить точное число врагов, потому что в лагере осаждающих насчитывалось немало детей и женщин, но мне казалось, что оценка Финана занижена. Тинтрег опустил голову и фыркнул. Я потрепал его по холке, потом коснулся на удачу рукояти Вздоха Змея:

– Мне бы не хотелось штурмовать эти стены. – Крепость эту возвели римляне, а они строили на совесть. Гарнизон, пусть и немногочисленный, судя по всему, находился в умелых руках. Осажденные отразили первые приступы, и противник решил попросту взять их измором.

– Так что предпримем? – осведомился Финан.

– Мы проделали долгий путь.

– И что?

– Жалко будет не подрагаться. – Я взглянул на Сестер. – Если дошедшие до нас слухи верны, несчастные горожане уже доедают крыс. А этот сброд? – Я кивнул в сторону осадного лагеря. – Они замерзли, изнывают от скуки и слишком долго проторчали здесь. Им хорошенько пустили кровь во время атак на стены, так что они намерены просто ждать.

Я приметил мощные сооружения, возведенные осаждающими напротив северных и восточных ворот Сестера. Баррикады эти наверняка охраняют самые боеспособные отряды, их задача отразить вылазку гарнизона или попытку прорыва.

– Они замерзли, изнывают от скуки, – повторил я. – И люди эти совершенно бесполезные.

– Бесполезные? – Финан улыбнулся.

– Ребята ведь по большей части из фирда, то есть это ополчение из крестьян, пастухов и прочих простолюдинов. Они могут сражаться храбро, но опытным дружинникам, вроде тех девяти десятков, что стоят у меня за спиной, далеко не чета. Так что бесполезные и глупые.

– Глупые? – спросил Берг, скакун которого замер рядом с моим.

– Дозорных не выставили! Не стоило им подпускать нас так близко. До сих пор понятия не имеют, что мы здесь. А за глупость приходится расплачиваться смертью.

– Мне нравится, что они глупые, – проговорил норманн, молодой и свирепый. Берг и не боялся ничего, кроме гнева своей юной супруги-саксонки.

– До захода солнца часа три? – прикинул Финан.

– Не будем тратить их попусту.

Я развернул Тинтрега и направил его через лесок к дороге, ведущей из Сестера к броду через Мэрс. Эта дорога навевала воспоминания о нашей скачке навстречу Рагналлу и о смерти Хэстена, а теперь она вела меня к очередной схватке.

Спускаясь по длинному пологому склону, мы напоминали что угодно, только не грозную силу. Спешить было некуда. Мы выглядели как люди, завершающие долгое путешествие, что истинная правда. Мечи держали в ножнах, а копья везли связками на выючных лошадях под присмотром слуг. Враги заметят нас, едва мы появимся из-за поросшего лесом склона, но нас мало, а их много, и походный порядок моего отряда убедит их, что мы идем с миром. Высокие каменные стены города скрывала тень, но мне удалось разглядеть флаги на них. Знамена были с христианскими крестами, и мне вспомнился епископ Леофстан, святой шут и хороший человек, избранный Этельфлэд на Сестерский престол. Она укрепила и усилила людьми этот город-форт как оплот против норманнов и данов, пересекающих Ирландское море с целью разжиться рабами в землях саксов.

Этельфлэд, дочь Альфреда, правительница Мерсии. Ныне покойная. Труп ее гниет в холодном каменном склепе. Я представлял, как в смрадном мраке гробницы ее мертвые руки сжимают распятие, и вспоминал, как эти самые руки обнимали меня, пока женщина извивалась подо мной.

– Господи, прости! – вскрикивала она. – Только не останавливайся!

И Этельфлэд снова привела меня в Сестер.

А Вздоху Змея опять предстоит убивать.

Брат Этельфлэд правил Уэссексом. И довольствовался этим, позволяя сестре править Мерсией. Однако стоило ей умереть, как войска западных саксов двинулись на север, через Темез. По словам Эдуарда, чтобы засвидетельствовать почтение на похоронах, но затем остались, утверждая власть нового правителя в бывших владениях его сестры. Эдуард, *Anglorum Saxorum Rex*.

Те мерсийские лорды, кто преклонил колени, получили награду, но некоторые – немногие – воспротивились западным саксам. Мерсия была гордой страной, а не так давно и крупнейшей на острове. Тогда король Мерсии был самым могущественным из правителей Британии, и монархи Уэссекса, Восточной Англии и валлийские вожди платили ему дань. Потом пришли даны, Мерсия пала, и именно Этельфлэд отвоевывала ее, теснила язычников на север и строила бурги для защиты границ. Теперь она умерла и разлагалась, а войска ее брата стояли гарнизонами в фортах. Король Уэссекса назвался королем всех саксов и потребовал платить серебром за эти гарнизоны. У несогласных лордов он отбирал земли и отдавал своим людям или церкви. Церковь не обходили, потому что священники вдалбливали мерсийскому народу, будто это по воле их пригвожденного Бога Эдуард Уэссекский стал королем их страны, а тот, кто выступает против короля, идет против Бога.

И все же страх перед пригвожденным Богом не предотвратил бунта. Началась борьба: сакс против сакса, христианин против христианина, мерсиец против мерсийца и мерсиец против уэссекца. Мятежники дрались под знаменем Этельфлэд, заявляя, будто она хотела, чтобы ей наследовала Эльфинн, ее дочь. Эльфинн, королева Мерсии! Мне нравилась Эльфинн, вот только править государством она была способна не более, чем пригвоздить рогатиной нападающего вепря. Веселая, ветреная, милая и пустая девчонка. Прознав о том, что племянницу собираются посадить на трон, Эдуард поспешил заточить ее в монастыре вместе со своей отвергнутой женой, но мятежники все равно шли в бой под флагом Этельфлэд и с именем Эльфинн на устах.

Верховодил ими Кинлэф Харальдсон, воин из Уэссекса, которого Этельфлэд наметила в мужья для Эльфинн. Конечно, Кинлэф сам хотел стать королем Мерсии. Он был молод, красив, отважен в бою и, на мой взгляд, довольно глуп. Его план заключался в том, чтобы разбить

западных саксов, выволить невесту из монастыря, обвенчаться и возложить на свою голову корону.

Но сначала ему следовало взять Сестер. А здесь его постигла неудача.

– Похоже, пойдет снег, – сказал Финан, пока мы ехали на юг, к городу.

– Поздновато для снега, – уверенно заявил я.

– Кости чуют, – поежившись, ответил мой друг. – К ночи начнется.

Я фыркнул:

– Ставлю два шиллинга, что не начнется.

Он расхохотался:

– Да пошлет мне Господь побольше дураков с серебром в кармане! Мои косточки не проведешь.

Финан – ирландец, мой главный помощник и лучший друг. Лицо его, обремененное сталью шлема, выглядело морщинистым и старым, борода поседела. Моя тоже. Я видел, как он высвобождает Похитителя Душ из ножен, одновременно не сводя глаз с лагерных костров впереди.

– Как действуем? – спросил он.

– Прогоним ублюдков с восточной стороны города.

– Их там немало.

По моим прикидкам, почти две трети вражеских сил стояли лагерем на восточном фланге Сестера. Здесь было много костров, разложенных между низенькими шалашами из веток и дерна. Южнее временного городка виднелась дюжина роскошных шатров, разбитых вблизи руин древней римской арены. Хотя ее давно превратили в каменоломню для местных нужд, стены по-прежнему поднимались выше навесов, над которыми бессильно обвисли в неподвижном воздухе два стяга.

– Если Кинлэф еще тут, то должен быть в каком-нибудь из этих шатров, – предположил я.

– Будем надеяться, что ублюдок пьян.

– А еще он может устроиться в арене.

Арена размещалась прямо за стенами города и представляла собой массивное сооружение. Под рядами каменных скамей располагались похожие на пещеры комнаты. Когда я в последний раз заглядывал в них, они служили домом для бродячих собак.

– Если у него есть хоть какие-то мозги, – продолжил я, – он уехал из осадного лагеря. Оставил заслон, чтобы морить гарнизон голодом, а сам ушел на юг. Именно там решается судьба мятежа, а не здесь.

– А у него есть мозги?

– Похожие на репу, – ответил я, потом расхохотался. На дороге вышла группа женщин с хворостом; они опустились на колени, пропуская нас, а теперь удивленно посмотрели на меня. Я помахал им. – Мы собираемся сделать кое-кого из них вдовами, – проговорил я, все еще посмеиваясь.

– И это смешно?

– Смешно то, что два старика едут на войну, – сказал я, переводя Тинтрега на рысь.

– Ну, ты, может, и старик, – с нажимом заявил Финан.

– Да мы с тобой сверстники!

– Я еще не дед!

– Уверен? Может, ты не знаешь.

– Ублюдки в счет не идут.

– Идут, – возразил я.

– Тогда ты, наверное, уже прадед.

Я зыркнул на него.

– Ладно, ублюдки не в счет, – передумал я.

Он засмеялся, потом осенил себя крестом, когда мы достигли римского кладбища, тянувшегося по обеим сторонам дороги. Тут водились призраки: они бродили между покрытых мхом надгробий, прочесть полинялые надписи на которых могли только христианские священники, разумевшие латынь. Много лет назад один поп, в порыве рвения, принялся выкорчевывать памятники, объявив их языческой мерзостью. В тот же самый день он свалился на месте и помер, с тех пор христиане смирились с могилами, которые оберегают, как мне кажется, римские боги. Когда я рассказал эту историю епископу Леофстану, тот посмеялся и заверил меня, что римляне были добрыми христианами. «Это наш Бог, единственный истинный Бог, поразил того священника», – заявил он. А потом Леофстан сам умер, так же скоропостижно, как тот осквернитель могил. *Wyrd bið ful āraed* – судьбы не избежать.

Мои люди уже успели растянуться – не по одному в ряд, но близко к этому. Никому не хотелось ехать по краю дороги, где собираются призраки. Длинная неровная линия всадников крайне уязвима, но враги по-прежнему не видели в нас угрозы. Мы обогнали еще группу женщин, каждая из которых тащила на спине большую вязанку хвороста, нарубленного в рощице к северу от кладбища. До ближайших костров было рукой подать. Свет дня почти померк, хотя до темноты оставался еще час, а то и больше. Я видел людей на северном фасаде городской стены, видел их копья и знал, что они смотрят на нас. Наверняка думают, что мы пополнение, идущее к осаждающим.

Я остановил Тинтрега сразу за древним римским кладбищем, давая моим людям подтянуться. Вид могил и мысли про епископа Леофстана навевали воспоминания.

– Помнишь Мус? – спросил я у Финана.

– Господи! Да кто ж ее забудет? – Он ухмыльнулся. – Ты когда-нибудь...

– Ни разу. А ты?

Ирландец покачал головой.

– А вот твой сын задал ей пару раз славную скачку.

Сына я оставил командовать войсками, удерживающими Беббанбург.

– Везучий парень, – проворчал я.

Мус, настоящее имя которой – Сунгифу, была крохотной, как мышка, и являлась женой епископа Леофстана.

– Интересно, где Мус теперь? – спросил я, продолжая смотреть на северную стену крепости и прикидывая, сколько воинов стоит на парапете. – Их больше, чем я ожидал.

– Больше?

– Людей на стене, – пояснил я. На виду было примерно сорок человек, и я знал, что еще по меньшей мере столько же должно быть на восточной стене, напротив которой сосредоточились основные силы врага.

– Может, к ним пополнение пришло? – предположил Финан.

– Или монах ошибся, что меня не удивляет.

Монах принес в Беббанбург весть об осаде Сестера. О восстании в Мерсии мы, понятное дело, слышали и радовались ему. Не секрет, что Эдуард, провозгласивший себя королем англосаксов, намеревался вторгнуться в Нортумбрию и подтвердить свой громкий титул. Сигтриг, мой зять и король Нортумбрии, готовился к этому нашествию и боялся его. А потом поползли слухи, что Мерсия раскололась, и Эдуард, вместо того чтобы нападать на нас, вынужден сражаться за обладание собственными новыми землями. Наш образ действий напрашивался сам собой: сидеть сложа руки! Пусть державу Эдуарда раздирают на куски, потому что каждый сакс, погибший в Мерсии, означал меч, который не поднимется против Нортумбрии.

Тем не менее в этот поздний зимний вечер, под темнеющий небом, я оказался здесь и шел сражаться за Мерсию. Сигтриг был, мягко говоря, совсем не рад этому обстоятельству, а его жена, моя дочь, не скрывала своей злости.

– Почему? – спросила она.

– Я поклялся, – ответил я им обоим и тем отсекаю все возражения.

Клятвы священны. Нарушение клятвы навлекает гнев богов, и Сигтригр против воли отпустил меня снимать осаду с Сестера. Не то чтобы он мог мне запретить: я был самым могущественным из его вассалов, тестем и хозяином Беббанбурга; по сути, именно мне он обязан короной. Однако Сигтригр настоял, чтобы я увел с собой меньше сотни воинов.

– Возьмешь больше, – объяснил он, – и эти треклятые скотты тут же перейдут границу.

Я согласился. Вел всего девяносто дружинников и с этими девятью десятками намеревался сохранить для короля Эдуарда новое королевство.

– Ты полагаешь, Эдуард будет благодарен? – поинтересовалась дочь, пытаясь найти что-то хорошее в моем безрассудном решении. Ей казалось, что в качестве благодарности Эдуард откажется от своих планов завоевать Нортумбрию.

– Он сочтет меня дураком.

– Ты и есть дурак! – выпалила Стиорра.

– Кроме того, я слышал, что он болен.

– Вот и хорошо, – мстительно заметила дочь. – Может, это новая женушка заездила его?

Как бы ни обернулось дело, благодарен Эдуард не будет. Копыта наших коней громко цокали по римской дороге. Ехали медленно. Миновали старинный каменный столб, обозначавший, как говорили, расстояние в одну милю от Девы, как римляне именовали Сестер. Мы уже оказались меж лагун и огней лагеря, и народ провожал нас глазами. Тревоги осаждающие не выказывали, часовых не было, никто нас не окликнул.

– Что с ними творится? – буркнул мне на ухо Финан.

– Они думают, что пришло подкрепление. Отряд появился с востока, а не с севера, поэтому все решили, что мы на их стороне.

– Тогда они придурки, – заметил Финан.

И это правда. Кинлэф, если он еще командует здесь, должен был выставить дозорных на всех подходах к лагерю, но длинные холодные недели бездействия сделали осаждающих ленивыми и беспечными. Несостоявшийся зять Этельфлэд хотел одного – захватить Сестер – и забыл, что нужно опасаться удара в спину.

Финан, все еще зоркий как сокол, разглядывал городские стены.

– Тот попик – мешок дерьма, – презрительно бросил он. – На северной стене я насчитал сорок восемь человек!

Монах, принесший нам новость об осаде, выражал уверенность, что гарнизон опасно мал.

– Насколько мал? – допытывался я.

– Господин, не более сотни воинов.

Я с подозрением посмотрел на него:

– А откуда ты знаешь?

– Мне священник сказал, – нервно ответил он. Монах этот, назвавшийся братом Осриком, пришел, по его словам, из монастыря в Хвите. Я об этом месте никогда не слышал, но святоша божился, будто оно находится в нескольких часах пешего пути к югу от Сестера. По словам брата Осрика, к ним в обитель пришел священник. – Он умирал! От колик в животе.

– И звали его отец Свитред?

– Да, господин.

Я знал старину Свитреда. Ярый и вредный поп, не питавший ко мне симпатии.

– И гарнизон послал его за помощью?

– Да, господин.

– Почему сестерцы не отправили воина?

– Священник может пройти там, куда воину путь заказан, – пояснил брат Осрик. – Отец Свитред говорил, что вышел из города с наступлением ночи и миновал осадный лагерь, никем не окликнутый. А потом направился на юг, в Хвит.

– Где заболел?

– Господин, когда я покидал обитель, он был при смерти. – Брат Осрик осенил себя крестом. – Такова Божья воля.

– Странная воля у твоего бога, – процедил я.

– Отец Свитред умолял аббата послать одного из нас к тебе, – продолжил брат Осрик. – Выбор пал на меня, – робко закончил он.

Он опустился передо мной на колени в позе просителя, и моим глазам предстал алый шрам, пересекающий его тонзуру.

– Отец Свитред меня терпеть не может, – размышлял я. – И ненавидит всех язычников. И тем не менее послал за мной?

От этого вопроса брат Осрик заерзал. Он покраснел и стал запинаться:

– Он... он...

– Проклинал меня, – подсказал я.

– Да, господин, именно так. – Монах с облегчением выдохнул, услышав из моих уст ответ, который боялся произнести сам. – Но еще добавил, что ты откликнешься.

– И при отце Свитреде не было письма? – уточнил я. – С просьбой о помощи?

– Было, господин. Да только он все его заблевал. – Монах наморщил нос. – Просто жуть: все в крови и рвоте.

– Откуда у тебя шрам? – спросил я у него.

– Меня ударила сестра. – Мой вопрос, похоже, удивил его. – Серпом.

– И каковы силы осаждающих?

– Господин, отец Свитред говорил, что их сотни.

Мне припомнилось, как нервничал брат Осрик, но я приписал его испуг встрече со мной, знаменитым язычником. Может, он ожидал увидеть у меня рога и раздвоенный хвост?

– Милостью Божьей, – продолжил монах, – гарнизону удалось отразить один приступ, и я уповаю на Господа, что город все еще стоит. Господин, они просят твоей помощи.

– А почему Эдуард не помог?

– Королю приходится иметь дело с другими врагами. Он воюет в южной Мерсии. – Монах с мольбой воззрился на меня. – Господин, пожалуйста! Гарнизон долго не продержится!

Но он продержался. Мы уже съехали с дороги, наши лошади брели через осадный лагерь. Самые везучие из осаждающих нашли приют в зданиях фермы, возведенной римлянами. То были добротные каменные строения, хотя за долгие годы крыши их обветшали, превратившись в неприглядные кучи из соломы и деревянных балок. Большинство ютилось в грубых шалашах. Женщины подбрасывали в огонь только что принесенный хворост, собираясь готовить ужин. До нас, похоже, никому не было дела. Видя мою кольчугу и шлем с серебряным гребнем, а также серебряный орнамент на сбруе Тинтрега, эти люди признавали во мне лорда, покорно опускались на колени при моем приближении, и никто не осмеливался задать вопрос, кто мы такие.

Я остановился на открытом месте к северо-востоку от города, огляделся и удивился тому, что вижу мало лошадей. У осаждающих должны быть лошади. Я собирался угнать их, чтобы помешать врагу воспользоваться ими для бегства, а также захватить и продать, хотя бы отчасти оправдав затраты на зимний поход, но обнаружил не более дюжины. С другой стороны, раз коней нет, нам только проще. Развернув Тинтрега, я поехал назад вдоль строя моих людей, пока не добрался до вьючных лошадей.

– Раздать копыя! – велел я мальчишкам.

Копья были собраны в восемь тяжелых связок, перетянутых кожаными веревками. Каждое копьё семи футов в длину, с ясеневым древком и заостренным стальным наконечником. Я выждал, пока связки распаковали и все мои воины вооружились. У большинства имелись также щиты, но некоторые предпочитали скакать без этого тяжелого круга из ивовых досок.

Враги запустили нас в самую середину лагеря, видели, как мои дружинники разбирают копья, но по-прежнему ничего не делали, только тупо смотрели. Я дал время мальчишкам убрать кожаные веревки и снова сесть в седла.

– Езжайте на восток и ждите в полях, пока мы не пришьлем за вами, – приказал я слугам. – За исключением тебя, Рорик.

Рорик – норманн. Я убил его отца, а парня взял в плен и растил как собственного сына, точно так, как Рагнар Датчанин растил меня после того, как его воины сразили моего отца в битве.

– Меня, лорд? – переспросил он.

– Ты пойдешь со мной, – сказал я ему. – Держи наготове рог. Будь сзади! И копьё тебе ни к чему.

Он отдернул копьё, за которым я протянул руку.

– Господин, это запасное для тебя, – заявил малец. Врал, конечно, – ему просто не терпелось пустить в ход оружие.

– Только не дай себя убить, придурок, – проворчал я, глядя как мальчики и выючные лошади благополучно покидают пределы лагеря.

– Вы знаете, что нужно делать, – обратился я к своим людям. – Вперед!

И началось.

Мы развернулись в линию и погнали коней.

Кисловатый дым лагерных костров бил в ноздри. Залаяла собака, заплакал ребенок. Три ворона пролетели на восток, их черные крылья выделялись на фоне серых туч. Не знак ли это? Я коснулся боков Тинтрега шпорами, и конь помчался вперед. Финан держался справа от меня, Берг – слева. Я знал, что оба прикрывают меня, и злился на это. Может, я и стар, но не слаб. Я опустил копьё, наклонился в седле и достал острием плечо противника. Я почувствовал, как сталь уперлась в кость, ослабил нажим. Бедолага уставился на меня глазами, полными удивления и боли. Я проскакал мимо него, выдернул острие, повернул копьё, поднял его и стал смотреть на то, как начинается паника.

Представьте: вы замерзли, устали, изголодались. А может, еще и поносом измучены, – весь лагерь пропах дерьмом. Начальники только и делают, что лгут вам. Если у них и есть идеи, как поскорее закончить осаду, они ими не делятся. Холод жмет, день за днем. Холод, пробирающий до костей. И дров вечно не хватает, хотя женщины исправно собирают хворост. Вам говорят, что осажденные страдают от голода, ну так и вы голодны не меньше их. Без конца идет дождь. Кое-кто из ополченцев пытается дать деру, к жене и детям, но настоящие воины, дружинники на укреплениях напротив городских ворот, следят за ведущей на восток дорогой. Пойманных беглецов тащат назад, и их можно считать счастливицами, если с них только спустят плетью кожу. Если ополченец захватил жену и она молода, то ее забирают в шатры дружинников. Все ваши мысли лишь о доме. И пусть дом этот беден, а работа в полях тяжела, это куда лучше бесконечного холода и голода. Вам обещали победу, а вместо нее обрекли на мучения. И тут на исходе дня, когда солнце скрывается за пеленой низких туч на западе, появляются всадники. Вы видите крупных коней, на которых едут одетые в кольчуги воины с длинными копьями и острыми мечами; воины в шлемах и с волчьей головой на щитах. Эти чужаки орут на вас, здоровенные скакуны с громким топотом месят лагерную грязь, дети ревут, женщины прячутся, а самой яркой вещью в этот зимний вечер кажется не блеск клинков и даже не серебряные гребни шлемов и не золотые цепи на груди у нападающих. Самая яркая вспышка – внезапная алая кровь.

Неудивительно, что они запаниковали.

Мы гнали их, как баранов. Я велел воинам щадить детей и женщин, да и большую часть мужчин, потому что не хотел, чтобы мои всадники замешкались. Мне нужно было заставить

врага бежать без остановки. Задерживаясь, чтобы добивать, мы давали противнику время взять оружие, схватить щиты и организовать оборону. Было куда разумнее галопом промчаться между лачугами, гоня врагов все дальше от их сваленных в кучу щитов, от копий, серпов и топоров. Приказ гласил: ударь и гони, ударь и гони. Мы пришли, чтобы сеять хаос, а не смерть. До поры. Смерть придет после.

И мы промчались на наших могучих скакунах через лагерь: из-под копыт летят комья грязи, наши копыта остры. Если враг сопротивлялся, он умирал; если бежал, мы заставляли его прибавить ходу. Я заметил, как Фолькбальд, здоровенный фриз, поддел копьём горящее полено из костра и закинул его в один из шалашей. Остальные последовали его примеру.

– Господин! – окликнул меня Финан. – Господин!

Я повернулся и увидел, что он показывает на юг, где люди бежали из шатров к нескладной баррикаде, сооруженной напротив восточных ворот. Вот это были настоящие воины, дружинники.

– Рорик! – взревел я. – Рорик!

– Господин!

Мальчишка находился шагах в двадцати от меня и разворачивал коня в погоню за тремя ополченцами, одетыми в кожаные куртки и вооруженными секирами.

– Труби в рог!

Он вздыбил лошадь, пытаясь управиться с длинным копьём и достать рог, висевший на длинном шнурке за спиной. Один из троих беглецов, увидев, что Рорик отвернулся, побежал к нему, занося секиру. Я раскрыл рот, чтобы предупредить парня, но Финан заметил угрозу, повернул коня. Ополченец попробовал уклониться, сверкнул Похититель Душ, на лезвии которого блеснуло пламя костра, и голова секирщика слетела с плеч. Укороченное тело покатилося по земле, а голова подпрыгнула один раз и попала в костер. Волосы, о которые крестьянин обтирал испачканные жиром руки, вспыхнули ярким пламенем.

– Неплохо для дедушки! – похвалил я.

– Ублюдки не в счет! – крикнул в ответ Финан.

Рорик протрубил в рог, потом еще раз и продолжал трубить. Этот звук, печальный, настойчивый и громкий, призывал всех моих всадников вернуться.

– Пора! – воскликнул я. – Все за мной!

Мы ранили зверя, теперь пришла пора обезглавить его.

Большая часть вспугнутой нами толпы бежала к югу, в направлении нарядных шатров. Там, очевидно, размещались дружинники Кинлэфа. Туда же мчались мы, собрав силы, построившись стремя к стремени, опустив копыта. Линия всадников разрывалась, только чтобы обогнуть костры, из которых в темнеющее небо взлетали искры. Оказавшись на свободном пространстве между жалкими лачугами и шатрами, мы прибавили ходу. Людей среди шатров становилось все больше; мелькнул штандарт, который развернулся, когда человек побежал к преграде, призванной отражать вылазки из восточных ворот города. Баррикада – примитивное сооружение из опрокинутых повозок и даже плугов, но все равно она представляла собой внушительное препятствие. Я заметил, что знаменосец несет флаг Этельфлэд с ее дурацким гусем, сжимающим в лапах крест и меч.

Наверное, я рассмеялся, потому как Финан крикнул мне, перекрывая топот копыт по траве:

– Что смешного?

– Это безумие! – Я имел в виду, что вынужден идти в бой против стяга, который защищал всю свою жизнь.

– Нужно спятить, чтобы сражаться за короля Эдуарда!

– Судьба – странная вещь, – отозвался я.

- Будет ли он благодарен? – задал Финан тот же самый вопрос, что и моя дочь.
- В этом роду благодарных не водится. За исключением Этельфлэд.
- Быть может, Эдуард допустит тебя к своему ложу, – с ухмылкой добавил Финан.

Вскоре болтать стало некогда, потому как знаменосец внезапно повернул. Вместо того чтобы бежать к баррикаде, он поспешил южнее, к арене, уводя за собой большую часть дружинников. Это показалось мне странным. Их было почти столько же, сколько нас, разве немногим меньше. Они могли построить «стену щитов», используя баррикаду как прикрытие с тыла, и нам доставило бы немало труда одолеть их. Лошади не станут атаковать хорошо организованную «стену щитов». Скакуны предпочтут отвернуть, а не врезаться в ивовые доски. Поэтому нам пришлось бы спешиваться, строить свою «стену» и драться щит против щита. А тем временем осаждающие с северного фасада форта успеют подтянуться и нападут на нас сзади. Вместо этого враги бежали за своим знаменосцем.

И тут до меня дошло.

Дело было в римской арене.

Меня сбило с толку отсутствие лошадей, а теперь я сообразил, что осаждающие предпочли держать животных внутри арены, вместо того чтобы сооружать какой-нибудь хлипкий загон на востоке. Арена располагалась за юго-восточным углом крепостных стен, рядом с рекой, и представляла собой большой каменный круг, где в кольце сидений оставалось открытое пространство, на котором римляне устраивали жестокие забавы с участием воинов и диких животных. Центр ее, обнесенный со всех сторон каменными стенами, представлял собой безопасное, почти идеальное стойло для лошадей. Мы направлялись к шатрам в расчете поймать там вождей мятежников, но теперь я велел повернуть к большой арене.

Римляне еще в детстве меня озадачивали. Отец Беокка, который учил меня и воспитывал как доброго маленького христианина, превозносил Рим как вотчину его святейшества папы. Римляне, по его словам, принесли евангелие в Британию, а Константин, первый христианин, правивший в Риме, объявил себя императором нашей Нортумбрии. Все это пробуждало мало симпатии к римлянам и Риму. Все переменилось, когда мне было семь или восемь лет и Беокка повел меня на прогулку к арене в Эофервике. Я в восторге взирал на ряды каменных скамей, поднимающихся вокруг меня к внешним стенам, где копошились вооруженные молотками и ломом люди, разбивающие кладку, чтобы использовать камень на строительство новых зданий растущего города. По сиденьям стелился плющ, ростки пробивались через трещины, а сама арена густо заросла травой.

– Это место священное, – сообщил мне отец Беокка, понизив голос до шепота.

– Потому что тут бывал Иисус? – сообразил спросить я.

Отец Беокка дал мне подзатыльник:

– Не болтай чепухи, мальчик! Наш спаситель никогда не покидал святой земли.

– А ты вроде говорил, что однажды он ездил в Египет?

Учитель отвесил мне новую затрещину, чтобы скрыть смущение от собственной ошибки. Он не был злым человеком. На самом деле я любил его, хоть и обожал поддевать этого калеку и страхолюдину. Нехорошо это, но в детстве мы все жестоки. Со временем я научился признавать честность и силу Беокки, а король Альфред, совсем не дурак, высоко его ценил.

– Нет, мальчик, – продолжил в тот день Беокка. – Это место священо, потому что христиане пострадали здесь за свою веру.

Я тут же почувствовал интересную историю.

– Пострадали, отче? – живо откликнулся я.

– Их предавали смерти ужасными способами. Ужасными!

– А как, отче? – задал я вопрос, стараясь не выдать истинную природу своего интереса.

– Некоторых отдавали на растерзание диким зверям, других распинали, подобно Господу нашему, а третьих жгли на кострах. Женщин, мужчин, даже детей. Их крики освятили сие пространство. – Он перекрестился. – Римляне были жестокими, пока не познали свет Христа.

– Отче, а потом они перестали быть жестокими, да?

– Они стали христианами, – уклончиво ответил Беока.

– И поэтому лишились своих земель?

И я снова получил подзатыльник, хотя не сильный. Но сомнение во мне он зародил. Римляне! В детстве меня больше всего впечатляла их сила. Они жили так далеко и тем не менее завоевали нашу землю. Ну, тогда она еще не была нашей, конечно, но все равно располагалась вовсе не близко. Римляне были бойцами и победителями, настоящими героями для ребенка, а осуждение священника Беоки только укрепляло их героический ореол. В те дни, до того как погиб мой отец, а Рагнар Датчанин усыновил меня, я считал себя христианином, но никогда не мечтал стать христианским героем, отданным на растерзание диким зверям на полуразрушенной арене Эофервика. Вместо этого я воображал, что сражаюсь на этой самой арене, и видел себя ставящим ногу на грудь павшего противника, тогда как тысячи зрителей приветствуют меня. Так я мечтал мальчишкой.

Теперь, седобородым стариком, я все еще восхищаюсь римлянами. Да и как может быть иначе? Мы вот не способны построить такую арену или стены вроде тех, что окружают Сестер. Наши дороги – грязные колеи, а римские вымощены камнем и прямые как стрела. Они возводили храмы из мрамора, а мы строим церкви из бревен. Полы у нас из утопанной земли и тростника, а у них – настоящее диво из хитрых плиток. Римляне наполнили этот мир чудесами, а мы, принявшие страну, способны только смотреть, как чудеса эти ветшают, или латать их жердями и соломой. Да, они были жестокими, но и мы не лучше. Жизнь жестока.

Внимание мое привлекли вдруг крики, раздавшиеся с городских укреплений. Я посмотрел направо и заметил, как по парасету стены бегут воины в шлемах. Они старались поспевать за нами, насколько могли, и приветствовали нас. Крики походили на женские, но я видел лишь мужчин. Один из них размахивал над головой копьем, жестами побуждая нас убивать. Я отсалютовал ему копьем, и воин запрыгал в ответ. Он что-то вопил, но было слишком далеко, и я не разбирал слов, только улавливал его ликование.

Радость гарнизона не вызывала удивления. Враг разбит и осада снята, пусть даже большая часть дружины Кинлэфа до сих пор остается в лагере. Но воины не пылали жадой битвы. Ополченцы бежали или прятались по шалашам. Нам противостояли только дружинники, и они искали теперь убежища в сомнительной безопасности арены. Мы догнали нескольких отставших и подняли на копья самых упорных из них, тогда как более здравомыслящие побросали оружие и упали на колени, прося пощады. Почти стемнело. На мраморе арены играли багровые отблески ближайших костров, отчего казалось, будто стена омыта кровью. Я развернул Тинтрега у входа в арену, а мои люди, ухмыляющиеся и возбужденные, натянули поводья и окружили меня.

– Вход тут только один? – уточнил Финан.

– Да, если мне память не изменяет, – ответил я. – Но отправь с полдюжины человек в обход, чтобы убедиться.

Тот единственный вход представлял собой сводчатый туннель, ведущий под рядами скамей на саму арену. В гаснущем свете дня я видел, как люди толкают телегу, строя баррикаду в дальнем конце туннеля. Они со страхом глядели на нас, но я не собирался нападать на них. Они свалили дурака и, как всякие дураки, были обречены.

Обречены, потому что сами поймали себя в ловушку. Вообще-то, были и другие входы через равные промежутки по всей длине здания, но они вели только к трибунам, а не на боевую площадку в центре арены. Люди Кинлэфа держали коней на арене, и это имело смысл с точки зрения безопасности животных. Но в отчаянии осаждающие побежали к лошадям, а в

результате оказались в каменном мешке с единственным путем к спасению. Теперь мои воины сторожили туннель.

Видарр Лейфсон, один из моих норманнов, объехал с всадниками вокруг строения и подтвердил, что на боевую площадку ведет только один вход.

– Господин, как мы поступим? – спросил он, изворачиваясь в седле, чтобы заглянуть в туннель. Пар от его дыхания клубился в холодном вечернем воздухе.

– Оставим их тут гнить.

– А они не сумеют взобраться на трибуны? – осведомился Берг.

– Не исключено. – Площадка была обнесена стеной немного выше рослого человека, чтобы не дать диким зверям причинить вред зрителям, так что враги могли взобраться на нее и попробовать улизнуть через один из проходов в трибунах. Но тогда им пришлось бы бросить драгоценных лошадей, а после того, как они покинут здание, прорваться через заслоны из моих людей. – Завалите все выходы, – распорядился я. – И разведите костры у каждой лестницы.

Баррикады задержат воинов Кинлэфа, если те попытаются сбежать, а костры согреют моих часовых.

– А где мы возьмем дрова? – спросил Годрик. Этот молодой сакс был прежде моим слугой.

– На баррикаде, болван! – Финан указал на сложенное осаждающими укрепление, которое преграждало дорогу к восточным воротам крепости.

Как раз в этот момент, когда на западе погасли последние отблески солнца, я заметил людей, выходящих из города. Восточные ворота открылись, и около дюжины всадников осторожно пробирались через узкий промежуток между городским рвом и покинутой баррикадой.

– Стройте заграждения! – приказал я своим, развернул усталого Тинтрега и погнал его навстречу тем, кого мы освободили.

Встретились мы у глубокого крепостного рва. Я остановился там и стал ждать приближения всадников. Возглавлял их высокий молодой человек, облаченный в кольчугу и в шлеме с золотым гребнем, казавшимся красным в зареве далеких костров. Нащечники шлема были открыты, и я понял, что знаю его. Я увидел бородку, которой не было во время нашей последней встречи. Борода, черная и коротко подстриженная, делала его старше. Ему было двадцать пять или двадцать шесть – точнее не скажу, потому что не помню, когда он родился, – но выглядел он мужчиной в самом расцвете сил, красивым и уверенным в себе. А еще он, вопреки всем моим стараниям его перевоспитать, вырос пылким христианином, и на груди у него висел большой золотой крест, болтавшийся поверх блестящих звеньев кольчуги. Ножны и сбруя коня тоже отделаны золотом, золотой была фибула, держащая на плече темный плащ, на шлем он водрузил тонкую золотую корону. Молодой человек натянул поводья достаточно близко, чтобы потрепать по холке Тинтрега, и я заметил, что поверх перчаток из тонкой дорогой кожи горят золотом два перстня.

– Ты последний из людей, кого я ожидал увидеть, – заявил он с улыбкой.

Я выругался от души – емко, хотя и не очень длинно.

– Разве так полагается приветствовать принца? – вкрадчиво спросил он.

– Я проиграл Финану два шиллинга, – пояснил я.

Потому что как раз в эту минуту пошел снег.

Одной из привилегий почтенного возраста является право греться у очага, когда на улице валит снег и часовые дрожат от холода, бдя за тем, чтобы враги не улизнули из ловушки, в которую сами себя и загнали. Вот только я не брался точно сказать, кто и кого именно загнал в ловушку.

– Я не посылаю отца Свитреда за тобой, – клялся Этельстан. – Твой монах соврал. А отец Свитред пребывает, с Божьей помощью, в добром здравии.

Принц Этельстан – старший сын короля Эдуарда. Родился он от милой кентской девушки, дочки епископа. Бедняжка умерла, давая жизнь ему и его сестре-близняшке, Эдгит. После смерти красавицы Эдуард женился на девушке из западных саксов и прижил еще одного сына, так что Этельстан превратился в помеху. Он был этелингом, старшим сыном короля, но у него имелся младший сводный брат, брызжущая злобой мать которого желала Этельстану смерти, ведь он стоял между ее сыном и тронном Уэссекса. Она и ее соратники распустили молву, что Этельстан незаконнорожденный, поскольку Эдуард якобы не сочетался браком с той прелестной девицей из Кента. На самом деле они поженились, но тайком, потому что отец Эдуарда не дал ему разрешения. С годами слухи приукрашались, и дошло до того, что мать Этельстана объявила дочерью пастуха, шлюхой-простолюдинкой, на которой принц и не помыслил бы жениться. Слухам этим верили, ведь бесхитростная правда всегда бледнее красочной лжи.

– На самом деле помощь нам вовсе не требовалась, – убеждал Этельстан, обращаясь ко мне, – и я ее не просил.

Некоторое время я молча смотрел на него. Я любил Этельстана как родного сына. Долгие годы защищал его, сражался за него, учил путям воина. И, услышав от брата Осрика, что Этельстан в осаде и ему приходится плохо, бросился на выручку. Не имел значения факт, что помощь принцу шла вразрез с интересами Нортумбрии: я дал клятву защищать его, и вот я оказался здесь, в большом и старом римском доме. А он берет и заявляет мне, что никогда не просил моей помощи.

– Так ты не посылал отца Свитреда? – Полено треснуло в огне, и горящий уголек упал на тростниковую подстилку. Я затоптал его сапогом.

– Разумеется, нет! Он здесь. – Этельстан махнул рукой, указывая на противоположную сторону зала, где стоял и с подозрением смотрел на меня высокий человек с суровым лицом. – Я просил архиепископа Ательма назначить его епископом Сестера.

– И ты не высылал его из города?

– Ясное дело, нет! Нужды не было.

Я посмотрел на Финана, тот пожал плечами. Налетел порыв ветра, загнавший дым обратно в большой зал, бывший некогда частью резиденции римского коменданта. Крышу сделали из крепкого бруса, покрытого черепицей. Многие черепицы сохранились, хотя саксы прорубили в кровле дыру для выхода дыма. Через нее падали снежинки – кружились среди закопченных балок, а некоторые оказывались достаточно живучими, чтобы умереть на столе, среди еды.

– Так, значит, ты не просил моей помощи? – допытывался я у Этельстана.

– Ну сколько мне еще повторять? – Он подвинул ко мне кувшин с вином. – И еще: если бы я нуждался в помощи, то зачем посылать за тобой, если армия моего отца гораздо ближе? Да ты все равно не стал бы мне помогать!

– Это почему это не стал? – рыкнул я. – Я дал клятву защищать тебя.

– Но междоусобица в Мерсии ведь на руку Нортумбрии, не так ли?

– Так. – Я угрюмо кивнул.

– Потому что пока мы, мерсийцы, бьем друг друга, – продолжил Этельстан, – мы не можем воевать с вами.

– А ты хочешь воевать с нами, лорд принц? – поинтересовался Финан.

Этельстан улыбнулся:

– Ну конечно хочу. Нортумбрией правит язычник, норманн...

– Мой зять, – резко перебил я его.

– ...и такова судьба саксов – быть единым народом, под властью одного короля и одного Бога, – продолжил Этельстан, не обратив внимания на мои слова.

– Вашего бога, – буркнул я.

– Другого нет, – мягко возразил он.

Все сказанное им имело смысл, если не считать вздора про единственного бога. И этот смысл говорил, что мне без какой-либо пользы пришлось тащиться через всю Британию.

– Мне стоило оставить тебя гнить тут, – проворчал я.

– Но ты ведь не оставил.

– Твой дед всегда говорил, что я дурак.

– Мой дед был прав во многих вещах, – с улыбкой сказал Этельстан. Его дедом был король Альфред.

Я встал, подошел к двери, открыл ее настежь и принялся всматриваться в мерцание огней за восточной стеной. Большей частью оно доносилось из лагеря, где люди Кинлэфа укрывались от снега, косо летевшего с севера. На парапетах горели жаровни, закутанные в плащи копейщики наблюдали за притаившимся врагом. В свете двух ярких факелов, горящих прямо за большими дверями, было хорошо видно, как снег укутывает стену здания.

Итак, брат Осрик лгал. Мы захватили его с собой на юг, но я так устал от бесконечных жалоб на холод и стертую седлом задницу, что мы оставили монаха в Мамесестере, где, как он сказал, церковь обещала его приютить. Лучше бы я убил ублюдка. Я поежился, ощутив внезапно, как холодна ночь.

– Рорик! – крикнул я, повернувшись обратно к залу. – Принеси мой плащ!

Брат Осрик солгал. Монах говорил, что у Этельстана меньше сотни воинов, а на самом деле у него вдвое больше. Этого все-таки мало для обороны такой крепости, как Сестер, но вполне достаточно, чтобы отразить робкие приступы Кинлэфа. Брат Осрик говорил, что гарнизон умирает от голода, а на самом деле кладовые наполовину полны после последнего урожая. Его ложь привела меня в Сестер. Но ради чего?

– Господин, твой плащ, – послышался насмешливый голос.

Я повернулся и увидел, что Этельстан сам принес мне тяжелый меховой плащ. И тоже утепился. Принц кивком велел одному из часовых закрыть за нами дверь, потом встал рядом со мной и смотрел, как падает мягкий снег.

– Я не посылал за тобой, – сказал он, набрасывая плащ мне на плечи. – Но спасибо, что ты пришел.

– Тогда кто послал монаха? – спросил я.

– Может быть, никто.

– Никто?

Этельстан пожал плечами:

– Возможно, монах услышал про осаду, решил привести подмогу, но, зная, что ты не согласишься ему, изобрел историю про отца Свитреда.

– Ему бы не хватило ума. – Я покачал головой. – И он был напуган.

– Ты вселяешь страх во многих христиан, – сухо заметил принц.

Я смотрел, как снежинки кружат у угла дома напротив.

– Мне нужно съездить в Хвит, – решил я.

– В Хвит? Зачем?

– Потому что монах пришел из тамошнего монастыря.

– В Хвите нет монастыря. Я бы рад построить его там, но... – Этельстан замолчал.

– Ублюдок врал! – в сердцах бросил я. – Мне следовало догадаться!

– Догадаться? Но как?

– Он сказал, что отец Свитред пошел отсюда на юг. Но как бы ему это удалось? Мост-то сломан. И почему именно Свитред? Ты послал бы человека помоложе.

Этельстан поежился:

– С какой стати монаху лгать? Возможно, он просто хотел привести помощь.

– Привести помощь? – язвительно отозвался я. – Нет, мерзавец хотел увести меня из Беббанбурга.

– Чтобы кто-то напал на него?

– Нет. Беббанбург не взять.

Я оставил во главе сына, и воинов у него было вдвое больше того количества, которое требовалось, чтобы удержать такую суровую и неприступную крепость.

– Значит, кому-то понадобилось выманить тебя из Беббанбурга, – уверенно заявил Этельстан. – Потому что, пока ты в Беббанбурге, ты для них недосыгаем. А теперь? Теперь они могут тебя достать.

– Но зачем мне позволили войти в город? – спросил я. – Если меня хотели убить, то зачем ждали, пока я окажусь среди друзей?

– Не знаю, – сказал он.

Не знал и я. Монах солгал, но с какой целью, я не понимал. Это была ловушка, определенно ловушка, но кто ее расставил и зачем, оставалось загадкой. Этельстан притопнул ногой, потом поманил меня за собой, предлагая пройти по улице; наши следы были единственными, оставленными на свежем снегу.

– И все-таки я рад, что ты приехал, – снова заговорил Этельстан.

– Так я ведь не нужен здесь.

– Настоящая опасность нам не грозит, – согласился принц. – А по весне отец пришлет войско, чтобы снять с нас осаду.

– Пришлет ли?

Он не обратил внимания на открытое сомнение в моем голосе.

– Все переменялось в Уэссексе, – признался Этельстан.

– Новая женщина? – язвительно спросил я, намекая на молодую жену короля Эдуарда.

– Которая приходилась племянницей моей матери.

Этого я не знал. Мне было известно только, что король Эдуард отверг свою вторую жену и женился на юной девушке из Кента. Постылую супругу послали в монастырь. Эдуард считал себя добрым христианином, а христиане утверждают, что брак заключается один раз и на всю жизнь. Однако щедрый взнос золотом или королевскими землями без труда убеждает церковь в ошибочности этой догмы, так что правителю легко можно развестись с одной женщиной и жениться на другой.

– Лорд принц, так ты теперь в фаворе? – осведомился я. – Снова наследник?

Этельстан покачал головой. Свежий снег скрипел под нашими ногами. Принц вел меня по улице, ведущей к восточным воротам. За нами следовали двое стражников, но на достаточном расстоянии, чтобы не слышать разговора.

– Как говорят, мой отец по-прежнему обожает Эльфверда.

– Твоего соперника, – с горечью буркнул я. Я презирал Эльфверда, второго сына Эдуарда. Это был кусок вонючего куньего дерьма.

– Моего сводного брата, – с укором поправил Этельстан. – Которого я люблю.

– Неужели? – Какое-то время он не отвечал. Мы поднялись по римской лестнице на восточную стену, где у жаровен грелись дозорные. Мы постояли наверху, глядя на лагерь побитой армии. – Так ты на самом деле любишь этого мелкого выпердыша?

– Нам заповедано любить ближнего своего.

– Эльфверд – ничтожество.

– Из него может получиться хороший король, – пробормотал Этельстан.

– А из меня – очередной архиепископ Контварабургский.

– Это было бы интересно, – с улыбкой заметил он. Я знал, что он презирает Эльфверда не меньше моего, но говорит так, как велит ему родовой долг. – Мать Эльфверда, – продолжил принц, – оказалась в опале, но ее семья по-прежнему богата, сильна. И поддержала новую женщину отца.

– Вот как?

– Дядя Эльфверда стал новым олдерменом. Он принял сторону Эдуарда и палец о палец не ударил, чтобы помочь сестре.

– Значит, дядя мать родную продаст, чтобы возвести Эльфверда на трон, – резко заключил я.

– Вполне вероятно, – спокойно согласился Этельстан.

Я поежился, и вовсе не от холода. А оттого, что почувствовал ловушку. Я все еще не выяснил, зачем меня тащили через Британию, но заподозрил, кто мог положить в капкан наживку.

– Старый я дурак, – вырвалось у меня.

– А поутру встанет солнце.

– Лорд принц! Лорд принц! – прервал нас взволнованный голос. По парапету к нам бежал маленький воин – крохотный, как ребенок, но облаченный в кольчугу, с копьем и в шлеме, украшенном красными и белыми лентами.

– Сестра Сунгифу! – с чувством сказал Этельстан, когда крошечная фигурка опустилась перед ним на колени. Принц коснулся одетой в перчатку рукой ее шлема, и женщина с обожанием улыбнулась. – Это лорд Утред Беббанбургский, – представил он меня. Потом обратился уже ко мне: – Сестра Сунгифу собрала ополчение из пятидесяти женщин, которые стоят дозором на стенах, давая моим воинам время отдохнуть, и вводят врага в заблуждение насчет нашей численности. Эта уловка отлично сработала!

Сунгифу посмотрела на меня и лучезарно улыбнулась.

– Лорд принц, я знакома с лордом Утредом, – сказала она.

– Ну конечно, – отозвался Этельстан. – Я припомнил теперь, что ты мне об этом говорила.

Сунгифу улыбалась так, словно полжизни ждала случая увидеться со мной. Я видел, что под кольчугой и под толстым плащом на ней надето серое облачение монахини. Я бережно приподнял украшенный лентами шлем ровно настолько, чтобы открылся ее лоб, на котором имелось красное родимое пятно в форме яблока – единственный изъян на лице самой красивой женщины из всех, каких я знал. Она озорно посмотрела на меня.

– Господин, рада снова видеть тебя, – с преувеличенным смирением заявила женщина.

– Привет, Мус, – сказал я.

Этим маленьким воином была Мус, Сунгифу, сестра Гомерь, епископская вдова, шлюха и возмутительница спокойствия.

И вопреки мыслям о ловушке, я вдруг почувствовал счастье оттого, что оказался в Сестере.

Глава вторая

– Так ты помнишь сестру Сунгифу? – протянул Этельстан.

Мы спустились со стены и через восточные ворота отправились проверить часовых, наблюдающих за запертым на арене врагом. Было холодно, снег припорошил предательские неровности на земле. Этельстана наверняка подмывало остаться в тепле господского дома, но он делал то, к чему обязывал его долг, – разделял тяготы со своими людьми.

– Сунгифу сложно забыть, – признался я. Нас теперь сопровождала дюжина дружинников Этельстана. Не далее как в четверти мили располагались сотни врагов, но я не видел в них угрозы. Они забились в свои лачуги и ждали, что принесет утро. – Удивлен, что она стала монашкой, – добавил я.

– Она не монахиня, – возразил Этельстан. – Она послушница, когда не изображает из себя воина.

– Мне всегда казалось, что Мус снова выйдет замуж, – продолжил я.

– Нет, раз она призвана служить Господу.

Я расхохотался:

– Жалко впустую растрчивать ее красоту на вашего бога.

– Красота – это дьявольские силки, – чопорно возразил принц.

Отблеск костров, разведенных нами вокруг арены, упал на его лицо. Оно было суровым, почти злым. Сам завел речь про Сунгифу, но, очевидно, разговор ему неприятен.

– А как поживает Фригга? – лукаво осведомился я. Фригга была молодой девицей, которую я захватил под Сестером несколько лет назад и отдал Этельстану. – Красавица, как мне помнится. Я почти решил оставить ее себе.

– Ты женат, – с укором сказал он.

– А ты нет, – парировал я. – И тебе пора бы.

– Придет время и для брака, – отмахнулся принц. – А Фригга замужем за одним из моих людей. Она теперь христианка.

Бедная девушка, подумалось мне.

– Тебе надо жениться. Пройди подготовку с Сунгифу, – поддел его я. – Она явно обожает тебя.

Этельстан остановился и сердито воззрился на меня:

– Это непристойно! – Он перекрестился. – С сестрой Сунгифу? Вдовой епископа Леофстана? Никогда! Она благочестивейшая из женщин!

«Господь на унылых его небесах, – выругался я про себя, пока мы шли дальше. – Неужели Этельстану неизвестна настоящая ее история?»

Никогда мне не понять христиан. Я вполне соглашаюсь с их утверждениями о том, что пригвожденный бог восстал из мертвых, ходил по воде и исцелял хвори – все боги занимались подобными вещами. Нет, меня изумляют их идеи. Сунгифу была замужем за Леофстаном, хорошим человеком. Мне он нравился. Он был дурак, разумеется, но дурак святой. Я припомнил его рассказ о том, что один из пророков этого бога женился на шлюхе по имени Гомерь. Я теперь позабыл, зачем ему понадобилось сочетаться с ней браком, но об этом сказано в священной книге христиан. Помню только, что не из желания переспать с ней. Нет, это что-то связанное с религией. И вот епископ Леофстан, мозгов у которого имелось не больше, чем у мотылька-однодневки, решил сделать то же самое. Он умыкнул Сунгифу из какого-то мерсийского борделя и обвенчался с ней. И торжественно заверил меня, что его Гомерь, как он нарек свою супругу, совершенно изменилась: приняла крещение и обратилась в святую во плоти. Но стоило ему отвернуться, как Сунгифу бросалась на моих воинов, словно похотливая белка. Леофстану я не сказал, но попытался изгнать Сунгифу из Сестера, чтобы прекратить

постоянные раздоры между людьми за ее милости. Мне это не удалось: она так и осталась здесь и, насколько я понимал, от души предавалась радостям плоти.

Мы шли к залитой светом арене, а снег падал вокруг нас.

– Тебе известно, что прежде, чем выйти за епископа, Сунгифу была... – начал я.

– Хватит! – прервал меня Этельстан. Он снова остановился и посмотрел на меня, теперь уже откровенно зло. – Если ты хочешь сказать, что до замужества сестра Сунгифу была падшей женщиной, то мне это известно! Чего ты не понимаешь, так это что она узрела греховность своей жизни и раскаялась! Она – живое доказательство искупления! Свидетель всепрощения, которое может дать только Христос! По-твоему, это все ложь?

Я поколебался, но потом решил: пусть верит в то, что сам считает нужным.

– Конечно нет, лорд принц.

– Всю жизнь я страдаю от злых языков, – сердито отрезал он, кивком предлагая мне идти дальше. – И мне это надоело. Мне известно немало женщин, возвращенных в веру, благочестивых, добродетельных, которые куда менее святы, чем Сунгифу! Она хорошая женщина и вдохновляет нас всех! Она достойна награды небесной за то, чего достигла здесь. Сунгифу заботится о раненых и утешает страждущих.

Я едва не поинтересовался, как именно она их утешает, но вовремя прикусил язык. Не существовало способа поколебать благочестие Этельстана, и благочестие это, насколько я мог наблюдать, лишь крепло с годами. Я сделал что мог, убеждая его в превосходстве старых богов, но потерпел неудачу: парень все больше и больше становился похожим на своего деда, короля Альфреда. Он унаследовал от него ум и любовь к церкви, но добавил к этим достоинствам талант полководца. Короче говоря, Этельстан был устрашающим, и мне стало вдруг ясно, что если бы я повстречался с ним только сейчас, а не растил с малолетства, то наверняка возненавидел бы. А еще мне подумалось, что этот молодой человек станет королем. Мечта Альфреда о едином государстве саксов под властью единого христианского монарха может обернуться явью. И даже непременно обернется, а это означает, что этот молодой человек, которого я привык воспринимать как сына, станет врагом Нортумбрии. Моим врагом.

– Ну почему я всегда заканчиваю тем, что сражаюсь не на той стороне? – пробормотал я.

Этельстан рассмеялся. И вдруг шагнул и хлопнул меня по плечу – возможно, пожалел о резком тоне, в котором говорил со мной минуту назад.

– Потому что в сердце своем ты сакс, – сказал он. – И потому, что, как мы недавно определились, ты дурак. Но ты дурак, который никогда не будет моим врагом.

– Неужели? – с сомнением спросил я.

– Только не по моему выбору! – Он пошел дальше, направляясь к входу на арену, где у большого костра, горящего под аркой, стояло около дюжины моих парней. – Кинлэф все еще внутри? – обратился принц к ним.

Берг располагался ближе всех и посмотрел на меня, как бы спрашивая, стоит ли ему отвечать. Я кивнул.

– Господин, никто не покидал арены, – доложил мой воин.

– А мы точно знаем, что Кинлэф здесь? – осведомился я.

– Мы его видели позавчера, – ответил Этельстан и улыбнулся Бергу. – Боюсь, вам нелегко приходится этой холодной ночью.

– Я норманн. Мне холод нипочем.

Этельстан рассмеялся:

– И тем не менее я пришлю людей вам на смену. А завтра... – Он не договорил, заметив, как Берг смотрит на что-то, происходящее у него за спиной.

– Господин, завтра мы убьем их? – спросил Берг, по-прежнему глядя через плечо принца.

– О да, убьем, – тихо отозвался Этельстан. – Обязательно убьем. – Потом он обернулся выяснить, что именно привлекло внимание Берга, и отрывисто добавил: – И вполне возможно, начнем убивать прямо сейчас.

Я наконец тоже оглянулся. К нам направлялись двенадцать человек. Одиннадцать были воинами – все в кольчугах, в плащах, с бородами и в шлемах; у троих имелись щиты с нама-
леванными изображениями созданий, призванных, как я понимал, сойти за драконов. Мечи покоились в ножнах. Свет костров поблескивал на золоте на шее у одного из гостей и отра-
жался от серебряного креста сопровождавшего их священника. Воины остановились ярдах в
двадцати от нас, а поп пошел дальше и в паре шагов от Этельстана бухнулся на колени.

– Лорд принц! – воскликнул он.

– Вставай! Вставай же! Не дело, чтобы священники преклоняли передо мной колени! Ты представляешь Бога, это мне полагается стоять на коленях перед тобой.

– Эрслинг! – выругался я, но слишком тихо, чтобы Этельстан мог услышать.

Священник встал. К черной его рясе, в том месте, где находились колени, прилипли
комки снега. Он дрожал, и, к удивлению моему, а еще больше самого священника, Этельстан
шагнул вперед и набросил ему на плечи свой толстый меховой плащ.

– Отче, что привело тебя сюда? – спросил принц. – И кто ты?

– Отец Бледод, – ответил поп. Это был худой человек с гладкими черными волосами, без
шапки, со всклокоченной бородой. Глаза у него были испуганные, а руки судорожно сжимали
серебряный крест. – Господин, спасибо за плащ.

– Ты валлиец?

– Да, господин. – Отец Бледод неуклюже махнул рукой на своих спутников. – А это Гриф-
фит из Гвента. Он хотел бы поговорить с тобой.

– Со мной?

– Ты ведь принц Этельстан?

– Да. – Этельстан улыбнулся.

– Господин, Гриффит из Гвента хотел бы вернуться к себе домой, – сообщил поп.

– Прежде всего, я удивлен, чего это ради Гриффит из Гвента надумал свой дом оставить, –
вкрадчиво заметил принц. – Пожаловал в Мерсию, чтобы насладиться погодой?

Священник, судя по всему единственный из валлийцев, кто разумел язык саксов, не отве-
тил. Он только хмурился, а остальные одиннадцать переговорщиков смотрели на нас с молча-
ливой воинственностью.

– Так зачем он сюда пришел? – спросил Этельстан.

Поп беспомощно махнул левой рукой, потом потупил взгляд.

– Лорд принц, нам заплатили, чтобы мы пришли, – сознался он.

Этот ответ привел Этельстана в бешенство. Валлийцам он, без сомнения, казался спо-
койным, но я-то чувствовал его ярость по поводу того, что в рядах мятежников Кинлэфа сра-
жаются наемные валлийские войска. Между Мерсией и Уэльсом существовала вражда. Каж-
дая сторона совершала набеги на другую, но Мерсия, с ее богатыми пашнями и плодородными
садами, теряла больше. Стоит сказать, что первый воин, которого я сразил в «стене щитов»,
был валлиец, пришедший в Мерсию воровать скот и женщин. Вообще-то, я в тот день убил
четверых. У меня не было кольчуги, шлема, зато имелись взятый взаймы щит и два меча, и
тогда я впервые испытал радость битвы. Нашим малочисленным отрядом мерсийцев коман-
довал Татвин, настоящий зверюга-воин. Когда бой кончился и мост, за который мы сражались,
стал скользким от крови, он подошел ко мне. «Господи прости, но ты настоящий дикарь», – с
восторгом проговорил он. Я был юнцом, неотесанным и плохо обученным, и принял его слова
за похвалу.

Этельстан обуздал гнев.

– Ты упомянул, что этот Гриффит пришел из Гвента, – начал он, посмотрев на человека, на шее у которого поблескивало золото. – Скажи, отче, разве не Артфаэль является королем Гвента?

– Так оно и есть, лорд принц.

– И король Артфаэль решил, что это хорошо – посылать людей сражаться против моего отца, короля Эдуарда?

Вид у отца Бледода был по-прежнему смущенный.

– Золото, господин, уплатили Гриффиту.

Ответ уклончивый, и Этельстан это понимал. Он помолчал, глядя на стоящих на снегу воинов.

– И кто же этот Гриффит из Гвента? – спросил он.

– Родич Артфаэля, – признал поп.

– Родич?

– Брат его матери.

Этельстан задумался. Едва ли стоило удивляться, что валлийские войска участвуют в осаде. Валлийцы с мерсийцами всегда оставались недругами. Король Оффа, правивший Мерсией в дни ее величия, построил стену и выкопал ров, обозначающий границу, и поклялся убить каждого валлийца, осмелившегося ее перейти. Но они, конечно, осмеливались и даже рассматривали эту преграду как вызов. Восстание в Мерсии стало для валлийцев шансом ослабить заклятого врага. Они были бы дураками, если бы не воспользовались выгодой от саксонской смуты. Королевство Гвент, лежавшее сразу по другую сторону рва Оффы, наверняка надеялось разжиться землями, если мятеж Кинлэфа увенчается успехом. Несколько убитых воинов – малая цена, если валлийцы получат какое-то количество отличной саксонской пашни. Совершенно очевидно, что король Артфаэль заключил с Кинлэфом такую сделку. Отец Бледод из всех сил старался обелить своего короля, и Этельстан не стал нажимать на него.

– Сколько людей привел с собой Гриффит под Сестер? – спросил он, меняя тему.

– Господин, семьдесят четыре воина.

– Тогда передай Гриффиту из Гвента, – всякий раз, повторяя это имя, Этельстан вкладывал в интонацию все больше презрения, – что его семьдесят четыре воина вольны переправиться через реку и уйти домой. Я не стану им препятствовать.

И это правильное решение. Нет смысла затевать ссору с побитым врагом. Предпочти Этельстан убить Гриффита и его валлийцев, что ему не составляло труда сделать, вести о бойне достигли бы обитателей Уэльса и пробудили в них желание отомстить. Гораздо умнее было пробудить в них благодарность, позволив Гриффиту с воинами уползти обратно в свои берлоги.

– Они должны уйти с тем, что могут унести на себе, – добавил принц. – Если украдут хоть козу, я перережу их всех!

Отец Бледод воспринял угрозу спокойно. Он явно ожидал ее и не хуже принца понимал правила игры. Этельстану требовалось только выставить чужаков из Мерсии.

– Господин, твои козы в безопасности, – ответил священник с легкой иронией. – А вот сын Гриффита – нет.

– А где его сын?

Священник махнул в сторону арены:

– Там, господин.

Этельстан повернулся и посмотрел на арену, стены которой казались красными в отсветах костров и были наполовину завалены снегом.

– Я собираюсь перебить всех, кто находится внутри, – заявил принц.

Священник перекрестился:

– Господин, Кадваллон ап Гриффит – заложник.

– Заложник? – Этельстан не сдержал удивления. – Ты хочешь сказать, что Кинлэф не доверяет Гриффиту из Гвента?

Священник промолчал, да ответ и не требовался. Гриффиту пришлось отдать сына в залог того, что валлийские воины не покинут Кинлэфа. А это означает, Гриффит дал Кинлэфу повод сомневаться в его преданности.

– Скажи, поп, сколько из ваших семидесяти четырех воинов еще живы? – поинтересовался я.

Этельстану мое вмешательство, похоже, не понравилось, но он промолчал.

– Шестьдесят три, господин, – ответил священник.

– Вы потеряли одиннадцать человек во время приступа? – продолжал допрос я.

– Да, господин. – Отец Бледод помедлил один удар сердца. – Мы приставили лестницы к северным воротам. И взяли одну из боковых башен, охранявших римские ворота. Мы прогнали сайсов со стены.

Он гордился тем, чего добились люди Гриффита, и имел на это полное право.

– И вас скинули с ворот, – спокойно напомнил Этельстан.

– Лорд принц, это сделал ты, – подтвердил священник. – Мы взяли башню, но не смогли ее удержать.

– И как много сайсов, – я использовал слово, которым Бледод обозначал саксов, – погибло с вами у ворот?

– Господин, мы насчитали десять тел.

– Я хочу знать, сколько людей Кинлэфа полегло вместе с вашими, – сказал я.

– Ни одного, господин. – Отцу Бледоду не удалось скрыть презрения. – Ни одного.

Теперь Этельстан понял, куда я клоню. Кинлэф послал валлийцев на приступ, но никого не отрядил в помощь им. Валлийцы дрались, а саксы смотрели, как они умирают, и это разозлило Гриффита и его людей. Они могли бы оказать нам сопротивление накануне, но предпочли не сражаться, потому как потеряли веру в Кинлэфа и его дело. Этельстан посмотрел на воинов, выстроившихся позади священника.

– Что может Гриффит предложить мне в обмен на жизнь его сына? – спросил он.

Поп обернулся и заговорил с коренастым, широким в плечах человеком с золотой цепью на шее. У Гриффита из Гвента было угрюмое лицо, седая спутанная борода, а один глаз, правый, не видел и был белым как падающий снег. Шрам на щеке указывал, что зрение у глаза отнял клинок. Говорил он, понятное дело, на родном языке, но я улавливал горечь в его словах. Наконец отец Бледод повернулся к Этельстану:

– Чего хочет лорд принц от Гриффита?

– Хочу услышать его предложение, – ответил Этельстан. – В чем оценивается жизнь его сына? В серебре? В золоте? В лошадях?

Последовал еще один короткий разговор на валлийском.

– Господин, Гриффит не может предложить тебе золото, – признался поп. – Но он расплатится с тобой именем человека, который его нанял.

– Его нанял Кинлэф! – Этельстан рассмеялся. – Мне это и так известно! Ты тратишь мое время, отче.

– Это не Кинлэф. – Это произнес на корявом английском сам Гриффит.

– Ну конечно не сам Кинлэф, – презрительно бросил Этельстан. – Он послал кого-то, кто подкупил тебя.

– Это не Кинлэф, – повторил Гриффит, потом добавил что-то на родном языке.

– Это был не Кинлэф, – перевел отец Бледод. – Тот ничего не знал про нас, пока мы не прибыли сюда.

Несколько ударов сердца Этельстан молчал, потом осторожно снял свой плащ с плеч отца Бледода.

– Скажи Гриффиту из Гвента, что я пощажу жизнь его сына и позволю ему уйти в полдень завтра. В обмен на сына он назовет мне имя моего врага, а также отдаст золотую цепь, висящую у него на шее.

Отец Бледод перевел требование, и Гриффит неохотно кивнул.

– По рукам, лорд принц, – промолвил Бледод.

– А цепь будет пожертвована церкви, – добавил Этельстан.

– Эрслинг, – снова сказал я, все так же тихо, чтобы принц не услышал.

– И Гриффит из Гвента, – продолжил Этельстан, – даст слово удерживать своих людей от набегов на Мерсию в течение полного года.

На это тоже дано было согласие, хотя, по моему мнению, это пустое обещание. С таким же успехом Этельстан мог потребовать от дождя не идти целый год. Наивно ожидать, что валлийцы откажутся воровать.

– Завтра мы встретимся снова, – закончил принц.

– Завтра, эдлинг, – отозвался Гриффит. – Завтра.

Он пошел прочь, сопровождаемый своими воинами и отцом Бледодом. Снег припустил еще сильнее, его хлопья блестели в свете костров.

– Иногда от меня требуется усилие, чтобы помнить, что валлийцы тоже христиане, – произнес Этельстан, глядя им вслед.

Меня эти слова заставили улыбнуться.

– В Дифеде есть король по имени Хивел. Он бы тебе понравился.

– Я о нем слышал.

– Это хороший человек, – с теплом произнес я, сам удивившись, что говорю это.

– И христианин! – насмешливо заметил Этельстан.

– Я сказал хороший, а не идеальный.

– Завтра мы все будем хорошими. – Принц перекрестился. – И пощадим одного валлийца.

И получим имя врага. Я сильно подозревал, что уже знаю его, хотя и не был уверен. Зато точно знал, что в один прекрасный день убью этого человека. Так что валлиец должен жить, чтобы сакс мог умереть.

Эдлинг, валлийский титул, равносителен нашему этелинг¹, и означает сына короля, которому предстоит унаследовать престол. Гриффит из Гвента, бывший, по моему разумению, одним из вождей, использовал его исключительно с целью польстить Этельстану, потому как доподлинно никто не знал, кто станет наследником короля Эдуарда. Этельстан – старший сын, но злая молва, распространяемая церковью, утверждала, что он бастард, да и почти все олдермены Уэссекса поддерживали Эльфверда, второго сына Эдуарда, бесспорно законного.

– Следовало бы сделать королем Уэссекса меня, – заявил я Этельстану наутро.

Тот удивленно посмотрел на меня – видимо, не вполне еще проснулся и решил, что ослышался.

– Тебя?

– Меня.

– Но почему, бога ради?

– Мне просто кажется, что королем должен быть самый красивый человек в королевстве.

Тут парень понял, что я шучу, но, видимо, был не в том настроении, чтобы веселиться. Он только буркнул что-то и дал шпор коню. Нас сопровождало шестьдесят его воинов, а я

¹ У данных слов – эдлинг и этелинг – общее германское происхождение, они этимологически связаны с современным словом «adel» – «благородство».

взял всех своих, не считая тех, кто уже охранял арену. Около нее нас ждал отец Бледод. Это я настоял, чтобы валлийский поп был с нами.

– Как мы узнаем, который из них сын Гриффита? – пояснил я.

По левую от нас руку множество людей из разгромленного войска Кинлэфа уже тянулось на восток, уводя с собой жен и детей. Я отправил Финана с двумя десятками парней распространить весть, что ополченцам нужно либо уходить, либо иметь дело с моими воинами, и маленький отряд Финана не встретил сопротивления. Мятеж, по крайней мере в этой части Мерсии, подавили без боя.

– Отец Свитред считает, что нам следует убить каждого десятого, – сказал Этельстан, глядя, как мимо нас проходят побежденные. – По его словам, так поступали римляне.

– И почему ты не послушал?

– А думаешь, стоило? – спросил принц.

– Нет, – твердо ответил я. – Думаю, что тебе следует отпустить их. Большинство тут не воины. Эти люди обрабатывают поля, пасут скот, роют каналы и разбивают сады. Это плотники и суконщики, кожевики и пахари. Они пришли сюда, потому что им так велели, но, вернувшись домой, снова примутся за работу. Твой отец нуждается в них. Зачем ему Мерсия, если она будет голодной и бедной?

– От мятежной Мерсии пользы ему тоже мало.

– Ты победитель, – напомнил я. – А большинство из этих бедолаг не отличат мятеж от жидкого поноса. Их привели сюда. Так дай им уйти домой.

– Отец может со мной не согласиться.

Я в ответ на это фыркнул:

– Тогда почему твой отец не послал войско тебе на выручку?

– Он болен. – Этельстан осенил себя крестом.

Я повел Тинтрега шагом, объезжая мертвеца – труп одного из убитых накануне дружинников Кинлэфа. Снег окутал тело мягким саваном.

– И что тяготит короля? – спросил я.

– Скорби, – коротко сообщил Этельстан.

– И как они лечатся?

Некоторое время принц ехал молча.

– Никто толком не знает, что у него за хворь, – признался он наконец. – Отец растолстел и страдает одышкой. Но бывают дни, когда ему, хвала Богу, вроде как лучше. Он все еще способен сидеть на лошади, любит охоту и пока может править.

– Судя по всему, его хворь вызвана старым клинком в новых ножнах.

– Это как понять?

– Похоже, молодая супруга его вымотала.

Этельстану это не понравилось, но спорить он не стал. Вместо этого он посмотрел на небо, расчистившееся за ночь. Яркое солнце играло на снегу. Снег обещал быстро растаять. Так же быстро, как закончится и эта осада, подумалось мне.

– Я полагаю, он ждал, когда улучшится погода, – сказал Этельстан. – И значит, скоро может прийти. И его не обрадует, если мятежники не понесут наказания.

– Так накажи их вожakov, – предложил я. Вожди восстания, по крайней мере в северной Мерсии, загнали сами себя в ловушку в арене.

– Это и я хочу сделать.

– Значит, твой отец будет счастлив, – отрезал я и погнал Тинтрега ко входу на арену, где ждал Финан. – Все в порядке? – окликнул я ирландца.

Мой старый друг сменил посреди ночи Берга и привел для охраны арены свежих воинов. Этельстан тоже выделил два десятка, и выглядели они, как и парни Финана, озябшими и усталыми.

Финан сплюнул, явно в знак презрения к запертым в арене врагам.

– Они предприняли одну робкую попытку выбраться. Не смогли даже нашу баррикаду пройти. А теперь хотят сдаться.

– На каких условиях? – поинтересовался Этельстан. Он услышал Финана и подвел коня ближе.

– Изгнание, – коротко ответил Финан.

– Изгнание? – резко переспросил принц.

Финан пожал плечами, догадываясь, каков будет ответ Этельстана.

– Лорд принц, они готовы отдать свои земли и отправиться в изгнание.

– Изгнание! – воскликнул Этельстан. – Передай, что мой ответ «нет». Пусть сдаются на мою милость или сражаются.

– Изгони их в Нортумбрию, – с усмешкой посоветовал я. – Нам воины пригодятся.

Я намекал на воинов, что потребуются нам для отражения неизбежного нашествия, которое непременно обрушится на Нортумбрию, как только с междоусобицей в Мерсии будет покончено.

Этельстан сделал вид, что не слышал.

– Как вы договариваетесь с ними? – поинтересовался он у Финана. – Просто кричите через вход?

– Нет, лорд принц, ты можешь войти внутрь. – Финан махнул в сторону ближайшей из лестниц, что поднимались к рядам сидений над ареной. Очевидно, на рассвете Финан приказал разобрать баррикаду напротив этого входа и разместил два десятка воинов на трибуне, откуда они могли наблюдать сверху за пойманным врагом.

– Сколько их там? – осведомился Этельстан.

– Лорд принц, я насчитал восемьдесят два человека. – Финан подошел и взял коня Этельстана под уздцы. – Мы могли не увидеть кого-то в глубине. Конечно, там есть и слуги. И женщины тоже.

– Это мятежники, – рявкнул Этельстан. Он спешил и направился к лестнице в сопровождении своих людей.

Финан посмотрел на меня:

– Что он собирается сделать?

– Перебить большую часть.

– А валлийцев решил отпустить?

– Каждому врагу свое время.

Финан повернулся и посмотрел, как Этельстан и его воины втягиваются цепочкой в ближайший лестничный пролет.

– Он изменился, да?

– Изменился?

– Стал слишком серьезным. А раньше любил посмеяться, помнишь?

– Раньше он был мальчиком. И я учил его быть королем.

– Господин, ты хорошо его научил.

– Слишком хорошо, – промолвил я едва слышно. Этельстан все сильнее походил на деда, а Альфред никогда не был мне другом. До сих пор я воспринимал Этельстана как сына. С детских лет я защищал его, учил воинским навыкам, но в последние несколько лет парень возмужал и теперь верил в то, что судьба ведет его к трону вопреки всем препятствиям, что будут воздвигать на его пути властолюбивые соперники. Став королем, он обратит мечи и копья против Нортумбрии, покорит нас, потребует от меня стать его вассалом, склониться перед ним.

– Будь у меня хоть крупица разума, – обратился я к Финану, сойдя с коня, – я бы объединился с Кинлэфом.

Ирландец рассмеялся:

– Еще не поздно.

– Wyrð bið ful āraed, – промолвил я, и это было правдой. Судьбы не избежать. Рок правит всем. Мы даем клятвы, мы делаем выбор, но управляет нашими решениями судьба.

Этельстан станет моим врагом, но я дал клятву оберегать его.

И поэтому я сказал Финану, чтобы он оставался с наружной стороны арены, объяснил, что ему следует делать там, а потом поднялся по лестнице вслед за принцем.

– Бросайте оружие! – крикнул Этельстан, обращаясь к людям на арене. – И опускайтесь на колени!

Он снял шлем, чтобы загнанным в ловушку не составило труда узнать его. Принц обычно стриг свои черные волосы очень коротко, но за время осады они отросли, и студеной утренний ветер растрепал их поверх наброшенного на доспех темно-синего плаща. Он стоял в центре шеренги воинов, устрашающих в своих кольчугах и шлемах, со щитами с символом Этельстана – драконом, сжимающим в лапах молнию. За спиной у них, взобравшись на припорошенную снегом каменную скамью, расположился отец Свитред, высоко воздевший над головой деревянный крест.

– Какая нас ждет судьба? – выкрикнул человек с арены.

Этельстан не ответил, только посмотрел на него.

Еще один сделал шаг вперед и преклонил колени.

– Лорд принц, что ждет нас? – спросил он.

– Мое правосудие. – Ответ был произнесен тоном столь же ледяным, что снег на трупах, которые мы миновали по дороге к арене.

Тишина. На арене находилось около сотни лошадей. Часть из них стояла под седлом, вероятно в готовности к отчаянному прорыву через входной туннель, а перед ними, сбившись в кучу, как лошади, собрались люди Кинлэфа. Я выискивал глазами самого Кинлэфа и наконец нашел, в задних рядах, поблизости от оседланных скакунов. Это был рослый, красивый мужчина. Этельфлэд обожала его и выбрала в мужа для своей дочери, но если существует такое место, как христианский рай, то она смотрела сейчас оттуда и одобряла твердое решение Этельстана убить Кинлэфа.

– Лорд принц, твое правосудие? – смиренно произнес преклонивший колени мятежник, которому хватило ума обратиться к Этельстану, используя титул.

– И оно равнозначно правосудию моего отца, – отрезал Этельстан.

– Лорд принц, – окликнул я негромко. Я стоял буквально в паре шагов за его спиной, но он сделал вид, что не слышит меня. – Лорд принц! – повторил я уже громче.

– Тихо, лорд Утрэд! – бросил Этельстан, не поворачиваясь. Говорил он тоже тихо, но с ноткой гнева на то, что я посмел вмешаться.

Я хотел убедить его проявить милость. Не ко всем, конечно, и уж точно не к Кинлэфу. Разумеется, все это были мятежники, но скажи доброй сотне людей, что их ждет суровый суд, и ты получишь добрую сотню отчаянных парней, которые предпочтут драться, а не сдаваться в плен. Но стоит у части из них зародиться мысль, что они останутся жить, и эта часть пересилит другую, тогда никто из наших не погибнет. Но Этельстан, похоже, не видел прока в милосердии. Это был мятеж, а мятежи разрушают королевства, значит их следует безжалостно подавлять.

Отец Бледод подошел ко мне и нервно потянул за рукав кольчуги:

– Кадваллон, господин, сын Гриффита, – это высокий безбородый парнишка. На нем коричнево-серый плащ. – Поп указал в толпу.

– Тихо! – рявкнул Этельстан.

Я увлек валлийского священника прочь от принца и вел вдоль ряда низких сидений, пока мы не очутились вне пределов слышимости.

– У половины из них коричнево-серые плащи, – указал я.

– Господин, мальчик с красноватыми волосами.

Поп вытянул руку, и я разглядел рослого юнца с темно-рыжей шевелюрой, перехваченной ремешком на затылке. Он был в кольчуге, но без меча, и это намекало на статус заложника, хотя любая его ценность в этом качестве давно уже исчезла.

Один воин из отряда Кинлэфа преклонил колени: понял, что Этельстан не станет говорить, если ему не выкажут должного уважения. Но и он, посмотрев по сторонам и увидев, что его товарищи продолжают стоять, начал подниматься.

– Я сказал: на колени! – рявкнул Этельстан.

Ответ последовал от высокого воина, стоявшего рядом с Кинлэфом. Он растолкал передних, проревел что-то оскорбительное и метнул в Этельстана копье. Добрый получился бросок. Копье летело прямо и быстро, но у принца имелось время проследить за ним, и он просто сделал шаг влево, и копье, не причинив никому вреда, упало на камни под ноги отцу Свитреду. А потом Кинлэф и его ближайшее окружение запрыгнули в седла. Полетели новые копья, но теперь Этельстан и его дружинники укрылись за щитами. Я взял с собой только двоих: Осви и Фолькбальда. Первый был сакс, гибкий и быстрый как змея; второй – фриз, здоровенный как бык. Оба подняли щиты, и мы с отцом Бледодом пригнулись за ними. Я услышал, как острие ударило в ивовые доски; еще одно копье просвистело у меня над головой. В щель между щитами я увидел, что Кинлэф и с ним дюжина людей гонят коней ко входу в туннель. Баррикада была частично разобрана, и путь наружу казался свободным, потому что я велел Финану расположить воинов по бокам с внешней стороны входа, чтобы вселить в Кинлэфа надежду на бегство.

Прочие мятежники двинулись было за вожаком к туннелю, но резко остановились, и я понял, что это Финан перекрыл выход с арены «стеной щитов» в тот самый миг, как услышал топот копыт. Стена была в два щита высотой и оцетинилась копьями – ни одна лошадь не стала бы наскакивать на нее. Часть соратников Кинлэфа попятилась на открытое пространство арены, другие же упали на колени в знак сдачи, а горсть упрямцев растратила последние копья, пытаясь достать до Этельстана и его дружинников.

– Вниз! – скомандовал принц своим воинам и вместе с ними спрыгнул на арену.

– Приведите валлийца! – приказал я Осви и Фолькбальду.

Фолькбальд приземлился неудачно и захромал, спеша за Осви. Высота была изрядная, и я остался наверху и наблюдал за схваткой, обещавшей быть ожесточенной, но короткой. Пол арены некогда покрывал мелкий песок, который превратился теперь в месиво из конского навоза, грязи и снега. Интересно, сколько крови впиталось в него за все эти годы? Теперь крови еще прибавится. Шестьдесят человек Этельстана образовали «стену щитов» в две шеренги глубиной, двинувшуюся на перепуганных мятежников. Сам Этельстан, по-прежнему без шлема, находился в переднем ряду. Воины пинками отшвыривали с дороги опустившихся на колени, пощадив до поры их жизнь, а затем строй врубился в охваченную паникой массу, сгрудившуюся у входа. Эти мятежники не успели собрать собственную «стену щитов», и теперь им устроили бойню, как всегда бывает в битве между боевым порядком и беспорядочной толпой. Я видел, как колют копья, слышал крики, смотрел, как падают люди. В толпу затесались женщины, и две из них скрючились у стены, закрыв головы руками. Еще одна прижимала к груди младенца. Лошади без всадников в испуге галопом носились по свободному пространству арены, где прокладывал себе путь Осви. Он отбросил в сторону щит и сжимал в правой руке обнаженный меч. Лево́й же тащил упирающегося Кадваллона. Какой-то повстанец попытался остановить его, нанеся колющий удар мечом в живот, но мало кто мог сравниться проворством с Осви. Он отпустил валлийца, отклонился в сторону, так что меч пролетел на расстоянии пальца от его пояса, потом атаковал сам. Осви достал до кисти противника и потянул клинок на себя. Меч у врага выпал, Осви наклонился, поднял оружие и сунул Кадваллону, а

сам нанес удар, вспоров неприятелю щеку. Мятежник отпрянул, из наполовину отрубленной руки и раны на лице хлестала кровь. Осви снова потянул Кадваллона за собой. Теперь к ним подоспел Фолькбалд. Его исполинской фигуры и угрозы тяжелой боевой секиры оказалось достаточно, чтобы отпугнуть других желающих чинить им помехи.

Враг был разбит. Повстанцев выдавили из туннеля, а это означало, что Финан со своими людьми наступает. Все больше воинов Кинлэфа опускались на колени. Их отпихивали с дороги, приказывали бросить оружие и ждать в середине арены. На ней уже валялось достаточно трупов, чтобы задержать продвижение Этельстана. «Стена щитов» останавливалась перед кучами тел, и один из всадников, выскочив из входной арки, развернул коня и помчался прямо на самого принца. Лошадь его споткнулась о мертвеца, приняла в сторону; на щит всадника обрушилась секира на длинной рукоятке, два копыта уткнулись в грудь коню, отчего тот заржал и вздыбился, наездник пал наземь, и его добили. Конь тоже повалился, продолжая пронзительно ржать и бить копытами, пока один из воинов не подошел и не рубанул его секирой по голове.

– Отче, ты, должно быть, счастлив, – обратился я к отцу Бледоду, стоявшему рядом со мной.

– Оттого что Кадваллон спасен, господин? Да, я счастлив.

– Нет, оттого что саксы убивают саксов.

Он удивленно посмотрел на меня, потом криво усмехнулся.

– За это я тоже благодарен господу, – согласился он.

– Первый убитый мной в бою человек был валлийцем, – сообщил я ему, стерев с его лица улыбку. – И второй. И третий. И четвертый.

– И все-таки, господин, ты сразил больше саксов, чем валлийцев, – заявил он. – По крайней мере, мне так сказали.

– И не соврали. – Я присел на каменную скамью. Кадваллон, под охраной Осви и Фолькбалда, находился под нами, укрывшись у внутренней стены арены. Тем временем люди Кинлэфа сдавались в плен, безропотно отдавая воинам Этельстана оружие. Сам Кинлэф все еще сидел на коне и держал меч и щит. Его зажали между «стеной щитов» Финана и отрядом Этельстана. Солнечный луч разорвал пелену свинцовых облаков, отбрасывая длинные тени на залитую кровью площадку.

– Как я слышал, на этой арене убивали христиан, – вновь обратился я к Бледоду.

– Господин, их убивали римляне?

– Так мне рассказывали.

– Но в конце концов римляне, хвала Богу, стали христианами.

Я фыркнул. Мне хотелось представить, какой была арена до того, как каменщики из Сестера начали ломать скамьи, извлекая камень для полезных построек. Верхний край арены был весь в зазубринах, как горный хребет.

– Мы разрушаем, – произнес я. – Разве нет?

– Разрушаем? – беспокойно переспросил Бледод.

– Как-то раз я спалил половину этого города. – Мне вспомнились языки пламени, перепрыгивающие с крыши на крышу, густой дым. В тот день каменные стены улиц почернели от копоти. – Представь, каким был этот город, когда здесь жили римляне.

Отец Бледод не ответил. Он наблюдал, как Кинлэфа теснят к центру арены, чтобы заключить в кольцо копейщиков, часть которого состояла из людей Финана, другая – из дружинников Этельстана. Кинлэф повернул коня, как бы ища путь для бегства. На крупе лошади видно было клеймо из букв «К» и «Х»: Кинлэф Харальдсон.

– Белокаменные здания, – продолжал я. – С красными кровлями. Статуи и мрамор. Хотел бы я это увидеть.

– Рим тоже был чудом, – промолвил валлиец.

- Сейчас, как я слышал, он в руинах.
- Господин, все преходяще.

Кинлэф погнал коня к одному краю кольца, но ему навстречу выдвинулись копья, а щиты с грохотом сомкнулись, поэтому беглецу пришлось отвернуть. Он сжимал обнаженный меч. Болтающиеся на левом бедре ножны были из красного сафьяна и отделаны золотыми пластинами. Эти ножны и меч – подарок Этельфлэд, последней правительницы независимой Мерсии. Вскоре, подумалось мне, они перейдут к Этельстану, который наверняка пожертвует их церкви.

– Все преходяще, – согласился я. – Посмотри, каков этот город теперь. Ничего, кроме жердей и соломы, грязи и навоза. Сомневаюсь, что в бытность римлян здесь воняло как из выгребной ямы.

По приказу Этельстана воины сделали шаг вперед. Кольцо сжалось. Кинлэф продолжал поворачивать коня, высматривая несуществующую лазейку для побега.

- Римлянам, господин... – начал Бледод, но осекся.
- Что? – спросил я.

Еще один приказ, и круг снова сжался. Опущенные копья были нацелены на человека и клейменую лошадь. Два десятка воинов Этельстана охраняли пленных, согнав их к одной стороне арены. Смерть обозначила свои границы линией окровавленных тел.

- Господин, римлянам стоило остаться в Британии, – договорил отец Бледод.
- Почему? – поинтересовался я.

Валлиец помялся, потом на лицо его вернулась кривая ухмылка.

– Потому что, когда они ушли, явились сайсы.

– Да, мы пришли, – кивнул я. – Пришли.

Сайсами были мы – мы, саксы. Британия – наш дом не больше, чем она являлась таковым для римлян. Они захватили ее, потом покинули, а мы пришли и взяли.

– И вы нас ненавидите, – сказал я.

– Воистину так, господин. – Бледод продолжал улыбаться, и я поймал себя на мысли, что он мне нравится.

– Но вы ведь и против римлян сражались, так ведь? Их вы тоже ненавидели?

– Господин, мы ненавидим всех, кто крадет нашу землю. Но римляне принесли нам христианство.

– И это был справедливый обмен?

Поп рассмеялся:

– Они ушли! Римляне вернули нам землю, так что благодаря им мы и сохранили нашу страну, и обрели истинную веру.

– А потом пришли мы.

– Потом пришли вы, – согласился он. – Но быть может, вы тоже уйдете?

Настал мой черед смеяться.

– Вот это вряд ли, отче. Извини.

Кинлэф без конца кружил лошадь, явно опасаясь нападения со спины. Щит у него был побелен известью, без всякого рисунка. Окованный серебром шлем поблескивал в лучах зимнего солнца. Его длинные, как у дана, волосы ниспадали на спину. Снова раздался голос Этельстана, и снова кольцо копеечников сжалось, вынуждая часть воинов из передней шеренги отступить. Копья и щиты надвигались на Кинлэфа.

– И что с нами теперь будет? – поинтересовался Бледод.

– С кем?

– С нами – людьми короля Гриффита.

– Короля Гриффита? – переспросил я.

Королевство его наверняка включало в себя деревню и клочок скудной земли с козами, овцами и кучами навоза. Королей в Уэльсе было что блох на собаке, хотя Хивел из Дифеда,

которого я знал и ценил, поглощал многие из этих мелких королевств, создавая одно большое. В точности как Уэссекс поглощал теперь Мерсию, а однажды поглотит и Нортумбрию.

– Так он король?

– Его отец был королем прежде него, – ответил Бледод, как бы придавая вес титулу.

– Мне казалось, что в Гвенте правит Артфаэль.

– Это так, господин. Гриффит – король под Артфаэлем.

– Сколько же королей в Гвенте? – с усмешкой спросил я.

– Это загадка, подобная тайне троицы.

Кинлэф ударил вдруг коня шпорами и взмахнул мечом. Пространства у него было мало, но он определенно рассчитывал прорубить себе путь через кольцо врагов. Впрочем, надежда была призрачная и не сбылась. Клинок врезался в щит, и противники в один миг обступили его со всех сторон. Кинлэф пытался снова размахнуться мечом, но кто-то из воинов Этельстана повис у него на руке. Другой взял под уздцы лошадь, а третий схватил мятежника за длинные волосы и потянул. Кинлэф упал, конь его заржал и попятился. Воины раздались в стороны, и я увидел, как Кинлэфа поднимают на ноги. Живого. Пока.

– Твой король Гриффит может уйти вместе с сыном, – ответил я Бледоду. – Но только после того, как скажет, кто его нанял. Хотя особой надобности в этом нет. Мне это и так известно.

– Ты не думаешь, что это Кинлэф? – спросил священник.

– Это Этельхельм Младший, – буркнул я. – Олдермен Этельхельм.

Который ненавидел меня и ненавидел Этельстана.

Этельхельм Старший умер. Умер пленником в Беббанбурге. Неудачно вышло, потому как за его свободу семья платила мне выкуп. Первая часть этого выкупа, полностью в золотых монетах, пришла, но Этельхельм подхватил горячку и умер прежде, чем подросла вторая часть.

Его семья обвиняла меня в убийстве, но это чепуха. Зачем убивать человека, который приносит мне золото? Я бы с удовольствием прикончил его после того, как получил бы все сполна, но не раньше.

Этельхельм был богатейшим человеком в Уэссексе, богаче самого короля Эдуарда, за которого выдал дочь. Этот брак сделал его столь же влиятельным, сколь и богатым, а еще означал, что его внук Эльфверд может сменить Эдуарда на троне. Соперником Эльфверда был, разумеется, Этельстан, поэтому неудивительно, что Этельхельм шел на все, чтобы устранить преграду с пути внука. А поскольку я был защитником Этельстана, то тоже сделался его врагом. Он пошел войной на меня, проиграл, стал моим пленником и потом умер. Мы отослали его тело обратно в гробу, и мне рассказывали, что, когда груз достиг Вилтунскира, труп раздуплся от газов, источал зловонную жидкость и страшно вонял.

Было время, когда Этельхельм мне нравился. Он был веселым и даже радушным, и мы дружили до тех пор, пока его старшая дочь не вышла за короля и не родила сына. Старший сын Этельхельма, тоже Этельхельм, в свою очередь стал моим врагом. Он наследовал титул олдермена Вилтунскира и верил, совершенно ошибочно, что я убил его отца. Я взял у его семьи золото, и это было достаточной причиной для ненависти. Вдобавок я оберегал Этельстана. Хотя король Эдуард и отослал от себя вторую супругу и взял женщину моложе, Этельхельм Младший продолжал поддерживать его, потому как надеялся увидеть следующим государем своего племянника. Однако эта поддержка продлится ровно до тех пор, пока Эльфверд остается наследным принцем. Если он станет королем, Этельхельм Младший так и будет самым могущественным феодалом в Уэссексе. Если же трон займет Этельстан, то Этельхельму и его родичам следует готовиться к опале, потере имений, а то и к изгнанию. Эта перспектива служила более чем убедительной причиной, чтобы подкупить валлийского вождя и привлечь знамени-

тых своей свирепостью воинов под Сестер. Если Этельстан погибнет, у Эльфверда не останется больше соперников и род Этельхельма будет править в Уэссексе.

Так что у Этельхельма Младшего имелась причина искать смерти Этельстана. Еще сильнее, чем принца, если такое возможно, он ненавидел меня. И я не сомневался, что олдермен желает моей смерти не меньше, чем принца. И разжигала его ярость не только смерть отца, но и судьба его младшей сестры Эльсвит.

Эльсвит попала в плен вместе с отцом, но после его смерти предпочла не возвращаться к своим в Уэссекс, а остаться в Беббанбурге.

– Ты не можешь так поступить, – заявил я ей.

– Почему, господин? – удивилась девушка.

Я вызвал ее к себе, и она стояла передо мной, такая юная, бледная, такая беззащитная и обворожительно прекрасная.

– Ты не можешь остаться, – резко произнес я. – Потому что у меня договоренность с твоей семьей. Когда выкуп будет уплачен, ты вернешься домой.

– Господин, но выкуп не уплачен.

– Твой отец умер, – не сдавался я, удивляясь, почему она не выражает особой печали. – Так что и выкупа больше нет. Ты вернешься домой, как договорено.

– Господин, и твой внук тоже должен уехать? – невинным голосом спросила девица.

Я недоуменно нахмурился. Оба моих внука, дети моей дочери, жили в Эофервике. Потом я сообразил и тупо уставился на нее.

– Ты беременна? – выдавил наконец я.

Эльсвит расплылась в нежнейшей из улыбок:

– Да, господин.

– Передай моему сыну, что я его убью.

– Хорошо, господин.

– Но сначала выйди за него замуж.

– Хорошо, господин.

Итак, они поженились. В отмеренный срок родился младенец, мальчик, и по семейному обычаю его нарекли Утрedom. Этельхельм Младший тут же распространил новую молву, что будто бы мы надругались над Эльсвит, а потом заставили ее пойти под венец. Меня он нарек Утрedom Похитителем, и ему наверняка верили в Уэссексе, где люди охотно внимали любой лжи об Утрезде Язычнике. Я не сомневался, что полученный от Эдуарда приказ ехать в Глестер и присягнуть королю за мои мерсийские владения был попыткой подманить меня под меч возмездия Этельхельма. Но тащить меня через всю Британию в Сестер? Олдермен ведь понимал, что я захвачу с собой воинов и все, чего он достигнет, так это объединения моих сил с дружиной Этельстана, что делает задачу убить любого из нас еще более трудной.

Этельхельм Младший совершил измену, наняв валлийский отряд, желая устранить с дороги соперника своего племянника. Но подсылать монаха, чтобы тот под лживым предлогом увлек меня под далекий Сестер, не имело никакого смысла.

Под нашими ногами, на арене, умер первый из пленников. Удар меча, отрубленная голова, кровь. Очень много крови. Этельстан приступил к расправе.

Казнили не всех – Этельстану хватило ума не делать этого. Он умертвил тех, кого посчитал близким к Кинлэфу. Умерли тридцать три воина – их предали мечу. Молодых принц пощадил. Мне вспомнился день, когда я вручил Этельстану свой меч и приказал зарубить человека.

Этельстан был тогда мальчишкой, но я учил его быть королем. Помню, как поймал Эрдвульфа, тоже мятежника. Случилось это недалеко от Сестера, рядом с канавой. Я избил Эрдвульфа так, что тот полуживой валялся в грязной воде.

– Парень, сделай это быстро, – велел я Этельстану. Ему не доводилось прежде убивать, но мальчику необходимо научиться этому ремеслу. А уж мальчик, которому предстоит стать королем, и вовсе обязан уметь забирать жизнь.

Я вспоминал тот день, глядя, как умирают воины Кинлэфа. Со всех сняли кольчуги, содрали все сколько-нибудь ценное. Пока их одного за другим, по очереди, вели на смерть, они тряслись. Этельстан, должно быть, тоже вспоминал тот далекий день, потому что палачами назначил самых младших из своих воинов, явно желая преподнести им урок, усвоенный у той канавы. Урок, что убить – трудное дело. Чтобы зарубить незащитного человека мечом, требуется решимость. Ты смотришь ему в глаза, видишь его страх, чувствуешь его. А шея у людей крепкая. Немногие из тридцати трех обреченных расстались с жизнью легко. Некоторых буквально иссекли до смерти, и древняя арена стала пахнуть так, как пахла в те времена, когда сиденья заполняли римляне и криками подбадривали сражающихся на песке внизу людей: то был запах крови, дерьма и мочи.

В свое время Этельстан довольно быстро убил Эрдвульфа. Он не пытался отрубить ему голову, а вместо этого перерезал Вздохом Змея глотку, и канава обагрилась красным. А Эрдвульф был братом Эдит, которая стала теперь моей женой.

Кинлэф умер последним. Я думал, что Этельстан казнит вождя мятежников лично, но он позвал своего слугу, мальчишку уже достаточно взрослого, чтобы быть воином, и дал ему меч. Руки у Кинлэфа были связаны, его заставили встать на колени.

– Давай, парень! – скомандовал Этельстан; поднимая меч, юнец зажмурил глаза.

Удар пришелся Кинлэфу в край черепа, повалив его на бок и пустив кровь, но не причинив серьезной раны. Ему срезало левое ухо, но для большего мальчишке не хватало силы. Священник – рядом с Этельстаном вечно крутились попы – возвысил голос, читая молитву.

– Парень, размахнись еще раз, – велел Этельстан.

– И держи глаза открытыми! – крикнул я.

Семь ударов потребовалось, чтобы убить Кинлэфа. Тем из его дружинников, кого принц пощадил, предстояло принести клятву верности новому господину и служить Этельстану.

С мятежом было покончено, по крайней мере в этой части Мерсии. Фирд, оторванный от своих полей и стад, вернулся по домам. Остались лишь тающий снег, кострища да валлийцы Гриффита, ждавшие рядом с шатрами Кинлэфа.

– Он называет себя королем, – сообщил я Этельстану, пока мы шли к шатрам.

– Королевская власть от Бога, – отозвался тот.

Меня такой ответ удивил. Я просто пытался развлечь парня, но похоже, что после казней принц не был расположен к шуткам.

– Ему следовало сообщить нам о своем титуле еще вчера, – с укором заметил он.

– Валлиец скромничал и хотел снискать милость. Да и скорее всего, все его королевство – это три навозные кучи, канава да груда хлама, и ничего больше.

– Все-таки я обязан обращаться с ним уважительно. Это же христианский государь.

– Это грязный валлийский идиот, – возразил я. – Который называется королем до тех пор, пока такой же идиот, но имеющий на две навозные кучи больше, не придет и не снесет ему голову. И он снес бы голову тебе, если мог. Никогда не доверяй валлийцам.

– Я и не говорю, что доверяю ему, лишь о том, что я его уважаю. Королевский титул дарует Господь, даже в Уэльсе.

И к моему ужасу, он, не доходя нескольких шагов до Гриффита, остановился и склонил голову.

– Господин король! – приветствовал он его.

Гриффиту этот жест понравился, и он ухмыльнулся. А еще он увидел сына в сопровождении Фолькбальда и Осви и сказал что-то по-валлийски, чего никто из нас не понял.

– Лорд принц, Гриффит из Гвента покорно просит тебя отпустить его сына, – перевел отец Бледод.

– Он обещал нам имя, – напомнил Этельстан. – И свою цепь, а также дать клятву хранить мир в течение года.

Гриффит явно понял слова принца, потому как снял с шеи цепь, передал ее Бледоду, тот, в свою очередь, вручил ее Этельстану, который сразу же отдал отцу Свитреду. Потом Гриффит начал историю, которую отец Бледод переводил как мог. Рассказ получился долгим, но суть его сводилась к тому, что из Мерсии к королю Артфаэлю Гвентскому прибыл на переговоры священник. Согласие было достигнуто, золото перешло из рук в руки, и Артфаэль призвал своего родича Гриффита и повелел ему вести лучших его воинов на север, к Сестеру.

– Король говорит, что священник прибыл из Мерсии? – перебил в одном месте Этельстан. Это вызвало торопливый обмен репликами на валлийском.

– Священник предложил нам золото, – сообщил отец Бледод. – Много золота! Достаточно, чтобы наполнить шлем. И чтобы получить это золото, от нас требовалось всего лишь пойти сюда на войну.

– Я спросил, прибыл ли священник из Мерсии, – настаивал Этельстан.

– Он был из сайсов, – сказал Бледод.

– Значит, мог быть из Уэссекса? – уточнил я.

– Мог, господин. – Бледод беспомощно развел руками.

– И как же звали священника? – строго спросил Этельстан.

– Стиганд.

Этельстан повернулся и посмотрел на меня, но я покачал головой. Мне еще не доводилось слышать о священнике по имени Стиганд.

– Сомневаюсь, что поп использовал свое настоящее имя, – буркнул я.

– Значит, мы никогда не узнаем, – уныло проворчал Этельстан.

Гриффит продолжал говорить, теперь уже возмущенно. Отец Бледод слушал, но явно в смущении.

– Лорд принц, отец Стиганд мертв.

– Мертв?! – изумился Этельстан.

– По пути назад из Гвента угодил в засаду. Король Гриффит говорит, что это не его вина. Зачем ему было убивать человека, способного принести еще больше золота сайсов?

– И впрямь, зачем? – согласился Этельстан.

Рассчитывал ли он на самом деле услышать имя своего врага? Это было наивно. Он не хуже меня знал, что Этельхельм Младший – самый вероятный подозреваемый, но Этельхельм ведь не дурак и наверняка позаботился о том, чтобы замести следы предательства, которое совершил, когда нанял воинов сражаться против собственного короля. Поэтому посредник погиб, а мертвецы уносят секреты с собой в могилу.

– Лорд принц, – нервничая, проговорил Бледод. – Как насчет мальчика?

– Передай королю Гриффиту из Гвента, что он может забрать сына, – сказал Этельстан.

– Спасибо тебе... – начал было поп.

– И еще передай, – перебил его принц, – что, если он снова вздумает сражаться на стороне тех, кто восстал против трона моего отца, я приведу в Гвент армию, обращу его в пустыню и страну смерти.

– Лорд принц, я передам, – сказал Бледод, хотя никто из нас ни на миг не поверил, что он передаст угрозу.

– Тогда уходите, – велел Этельстан.

Валлийцы ушли. Солнце поднялось, снег таял, хотя было все еще очень холодно. Обжигающий ветер налетал с востока, шевеля знамена на стенах Сестера. Я пересек Британию, чтобы спасти человека, который вовсе не нуждался в помощи. Меня обманули. Но кто? И для чего?

Очевидно, у меня завелся еще один тайный враг, и я сплясал под его дудку. Wyrð bið ful āræd.

Глава третья

Утро следующего дня выдалось морозным и ясным, синеву неба нарушал только дым костров, на которых люди Этельстана сжигали остатки лагеря Кинлэфа. Мы с Финаном, сидя на захваченных у мятежников конях, медленно ехали, оглядывая картину разрушения.

– Когда выступаем? – уточнил Финан.

– Как только сможем.

– Лошадям требуется отдых.

– Ну, тогда завтра, допустим.

– Так скоро?

– Беспокоюсь насчет Беббанбурга, – признался я. – Чего ради кто-то стал бы тащить меня через Британию?

– Беббанбургу ничто не угрожает, – отмахнулся Финан. – Я по-прежнему уверен, что тебя одурачил Этельхельм.

– В надежде, что меня тут убьют?

– Ну а что еще? Пока ты в Беббанбурге, до тебя не добраться, вот ему и пришлось искать хоть какой-то способ выманить тебя за стены.

– Я немало времени проводил со Стиоррой и ее детьми. – Моя дочь, королева Нортумбрии, жила в беспорядочно выстроенном дворце в Эофервике – смеси римского величия с нашими бревенчатыми постройками.

– В Эофервике до тебя тоже не дотянешься. Ему нужно было увести твою дружину из Нортумбрии.

– Может, ты и прав, – с сомнением сказал я.

– Я всегда прав. Я ведь из Ирландии. Угадал же насчет снега, да? И кстати, до сих пор жду свои два шиллинга.

– Ты же христианин. Терпение у вас почитается за добродетель.

– Да мне уже в пору святым стать. – Он посмотрел поверх моего плеча. – Ага, вспомни про святых.

Я изогнулся в седле и увидел приближающегося к нам отца Свитреда. Поп сидел на добром сером скакуне и отлично управлялся с ним; он успокоил коня, шарахнувшегося в сторону, когда один из воинов швырнул в огонь кучу грязной соломы. Заклубился дым, полетели искры. Отец Свитред проехал сквозь пелену и осадил жеребца рядом с нами.

– Принц требует тебя к себе, – буркнул он.

– Требуется или просит? – уточнил я.

– Это одно и то же, – ответил Свитред и развернул лошадь, знаком приглашая нас следовать за ним.

Я не двинулся с места и вскинул руку, останавливая Финана.

– Скажи, ты из западных саксов? – бросил я вслед Свитреду.

– Ты знаешь, что да. – Он обернулся и с подозрением посмотрел на меня.

– Ты отдаешь приказы уэссекским олдерменам?

Свитред обозлился, но ему хватило ума обуздать гнев.

– Принц требует тебя к себе. – Он помолчал. – Господин.

– Он в городе?

– Ждет у северных ворот, – бросил Свитред. – Мы скачем в Брунанбург.

Я прищипорил коня и повел его рядом с серым скакуном священника.

– Поп, я помню тот день, когда впервые увидел тебя. Принц Этельстан сказал мне тогда, что не доверяет тебе.

У него на лице выразилось удивление.

– Я не могу поверить... – начал было он.

– Какой прок мне лгать? – прервал я его.

– Я предан принцу, – с нажимом заявил священник.

– Тебя выбрал его отец, а не он сам.

– Какое это имеет значение? – спросил он. Я намеренно не отвечал, выждав до тех пор, пока Свитред не процедил через силу: – Господин.

– Священники пишут письма и читают письма, – рассуждал я вслух. – Принц Этельстан считал, ты приставлен к нему, чтобы доносить обо всем его родителю.

– Так и есть, – признал Свитред и тут же пылко продолжил: – И я скажу тебе, что именно доношу я королю. Я пишу, что его старший сын не ублюдок, что он добрый слуга Господа, предан своему отцу и возносит за него молитвы. Как думаешь, почему государь доверил ему командовать Сестером?

– Ты знаешь монаха, которого зовут братом Осриком? – задал я неожиданный вопрос.

Свитред высокомерно посмотрел на меня, разгадав ловушку.

– Нет, господин, – ответил он, вложив в последнее слово изрядную долю иронии.

Я решил сменить тактику:

– Так Этельстан будет следующим королем Уэссекса?

– Это не мне решать. Королей выбирает Господь.

– И в выборе твоему богу неизменно помогают богатые олдермены?

Он понимал, что я намекаю на Этельхельма Младшего. Мне приходило в голову, что Свитред мог отсылать письма Этельхельму. Не вызывало сомнения, что олдермен собирает все новости о принце и имеет где-то в Сестере по меньшей мере одного соглядатая. Очень хотелось увидеть его в Свитреде, потому что строгий лысый священник терпеть меня не мог. Но его следующие слова меня удивили.

– Я убежден, что это лорд Этельхельм убедил короля поручить командование принцу, – сказал он.

– Почему?

– В расчете, что он не справится, конечно. У принца под началом три бурга: Сестер, Брунбург и Мамесестер, и ни в одном из них нет достаточного гарнизона. Ему приходится иметь дело с мятежниками и с тысячами норманнских поселенцев к северу отсюда. Боже правый! Да норманны осели на этом самом полуострове!

– Как? – Я не смог сдержать удивления. – Здесь, в Вирхелуме?

Свитред пожал плечами:

– Тебе известно, что происходит на здешнем побережье? Ирландцы разбили норманнских поселенцев, вытеснили большую их часть с острова, поэтому они перебрались сюда. – Он махнул рукой в сторону севера. – За Брунбургом сотен пять норманнских колонистов, а к северу от Мэрса их даже больше! А к северу от Риббеля – еще тысячи!

– Тысячи? – переспросил я. Разумеется, до меня доходили слухи о бегстве норманнов из Ирландии, но я полагал, что большинство переселенцев нашло приют на островах близ шотландского побережья или в необжитых долинах Кумбраланда. – Принц позволяет врагам селиться на мерсийской земле? Язычникам?

– Едва ли у нас есть выбор, – мрачно возразил Свитред. – Король Эдуард завоевал Восточную Англию, теперь стал повелителем Мерсии. Ему требуются все его войска, чтобы подавлять бунты и размещать гарнизоны в бургах, которые он строит. У него не хватит воинов сражаться со всеми врагами разом, а эти норманны слишком многочисленны, чтобы бросать им вызов. Кроме того, у этих людей уже нет боевого духа. Ирландцы их побили, в результате поражения норманны лишились большей части своих богатств и многих воинов и потому жаждут мира. Вот почему они подчиняются нам.

– Это до поры, – буркнул я. – Кто-то из них присоединился к Кинлэфу?

– Никто. Ингильмундр мог пойти против нас или напасть на Брунанбург. Но не сделал ни того ни другого. Вместо этого он удержал своих воинов дома.

– Ингильмундр? – спросил я.

– Норманн, – пренебрежительно ответил Свитред. – Вождь, который правит землей за Брунанбургом.

Мне трудно было поверить, что норманнским захватчикам позволяют селиться в такой близости от Брунанбурга и Сестера. Политика короля Эдуарда, унаследованная им от отца, Альфреда, строилась на том, чтобы вытеснять язычников-чужеземцев с саксонских владений, и тем не менее вот они, на самом пороге Сестера. Видимо, со времени смерти Этельфлэд в Мерсии не стало твердой власти – мятеж Кинлэфа служил тому доказательством, – и норманны воспользовались слабостью саксов.

– Кто бы ни был этот Ингильмундр, – с нажимом сказал я, – он вполне мог бы прийти вам на помощь.

– Принц послал к Ингильмундру с просьбой не делать ничего подобного. Помощь нам не требовалась, и уж тем более со стороны язычника.

– Даже моя?

Священник повернулся ко мне, на лице его проступила ярость.

– Если язычник побеждает в наших битвах, – с жаром проговорил он, – это означает, что у языческих богов есть сила! Сражаться должны мы! Мы должны драться и доказать, что веры в Христа достаточно!

На это мне ответить было нечего. Люди из моего войска поклонялись дюжине богинь и богов, в том числе и Христу. Если человек верит, что на свете существует только один бог, спорить с ним так же бесполезно, как описывать слепцу радугу.

Мы добрались до северной части города, где нас ждал Этельстан во главе отряда из двух десятков вооруженных всадников.

– Солнце светит, мятежники рассеяны, и Бог милостив! – радушно приветствовал меня принц.

– И мятежники не атакуют Брунанбург?

– Насколько нам известно, нет. Мы как раз и отправляемся туда, чтобы выяснить.

Сестер всегда был самым северным из бургов Мерсии, но Этельфлэд построила всего в нескольких милях к северо-западу от него Брунанбург, желая контролировать реку. Брунанбург представлял собой бревенчатый форт и располагался достаточно близко к реке, чтобы охранять подступы к пристани, где стояли военные корабли. Возвели его с целью помешать драккарам викингов входить в Мэрс, но если Свитред прав, то все земли за Брунанбургом между Ди и Мэрсом населены теперь язычниками-норманнами.

– Расскажи-ка мне про Ингильмундра, – осторожно попросил я Этельстана, когда мы двинулись в путь.

– Он мне нравится! – с восторгом воскликнул принц.

– Язычник?

– Так мне и ты нравишься. – Он рассмеялся. – Иногда. – Принц погнал коня по дороге и выехал на тракт, огибающий римское кладбище. Он посмотрел на оплывшие от времени могилы и перекрестился. – Отец Ингильмундра владел землями в Ирландии. Его людей разбили и сбросили в море. Отец умер, но Ингильмундру удалось спасти половину воинов и их семьи. Рано поутру я послал к нему гонца, чтобы он встречал нас в Брунанбурге: хочу познакомиться с тобой. Тебе он тоже понравится!

– Вполне возможно, – согласился я. – Он ведь норманн и язычник. Но это делает его твоим врагом, причем врагом, живущим на твоей земле.

– Он платит нам дань. А дань ослабляет того, кто ее платит, и служит признанием зависимости.

– Если смотреть в будущее, то дешевле просто перебить ублюдков, – заметил я.

– Ингильмундр поклялся своими богами, что будет жить с нами мирно. – Этельстан пропустил мои слова мимо ушей.

А вот я за его слова зацепился:

– Так ты веришь в его богов? Допускаешь, что они существуют?

– Я исхожу из того, что они существуют для Ингильмундра, – спокойно ответил принц. – Зачем заставлять его клясться именем бога, в которого он не верит? Это значит заведомо подталкивать его к нарушению клятвы.

Я хмыкнул. Он был прав, ясное дело.

– Но частью договоренности наверняка было условие, что Ингильмундр соглашается принять треклятых проповедников, – с ехидством предположил я.

– Треклятые миссионеры и впрямь являются частью договоренности, – миролюбиво подтвердил принц. – Мы настаиваем на этом в договоре с каждым норманном, селящимся к югу от Риббеля. Вот почему мой отец основал бург в Мамесестере.

– Чтобы защищать проповедников? – удивленно уточнил я.

– Чтобы защищать всех, кто подчиняется власти Мерсии, – с прежней терпеливостью объяснил он. – И карать тех, кто нарушает наши законы. Воины обороняют нашу землю, а монахи и священники учат народ жить с Богом и по Божьим канонам. Я сейчас строю там монастырь.

– Это напугает северян. – Я покачал головой.

– Это поможет принести христианское милосердие в беспокойную страну, – возразил Этельстан.

Его тетя Этельфлэд всегда называла реку Риббель северной границей Мерсии, хотя на деле земли между Мэрсом и Риббелем были дикими и по большей части никакая власть на них не распространялась. Их издавна населяли даны, регулярно совершавшие набеги на богатые фермы близ Сестера. Немало дружин довелось водить мне на север в отместку за эти рейды; однажды я дошел до самого Мамесестера, старинного римского форта на склоне горы близ реки Медлок. Король Эдуард подновил древние стены и поместил в Мамесестерскую крепость гарнизон. Граница Мерсии все время ползла на север: сначала порубежным был Сестер, затем Брунанбург и теперь вот Мамесестер. От нового бурга на холме из песчаника рукой подать до моей родины, Нортумбрии.

– Ты когда-нибудь бывал в Мамесестере? – осведомился Этельстан.

– Не прошло и недели, – уныло отозвался я. – Проклятый монах, сыгравший со мной злую шутку, расстался с нами в Мамесестере.

– Ты ехал этой дорогой?

– Потому что рассчитывал получить от гарнизона вести о тебе. Но эти ублюдки не стали разговаривать со мной, даже в ворота не впустили. Проклятого монаха – пожалуйста, а нас – нет.

– Узнаю Треддиана, – рассмеялся Этельстан.

– Треддиана?

– Командира из западных саксов. Ему не было известно, кто ты такой?

– Еще как известно.

Этельстан пожал плечами:

– Ты ведь язычник, и из Нортумбрии, а значит, враг. Треддиан верно решил, что ты задумал перебить гарнизон. Он человек осторожный, этот Треддиан. Чересчур осторожный – поэтому я его и сменяю.

– Чересчур?

– Нельзя защищать бург, не покидая его стен. К северу от Мамесестера начинаются владения язычников, которые постоянно совершают набеги. А Треддиан просто наблюдает за ними. И ничего не делает! Мне нужен человек, способный покарать язычников.

– Путем вторжения в Нортумбрию? – мрачно уточнил я.

– Сигтригр – король тех земель только по титулу, – резко ответил Этельстан. Он видел, что неприятная правда задела меня, и надавил: – Есть у него хоть один бург к западу от гор?

– Нет, – признал я.

– Посылает ли он отряды с целью наказать разбойников?

– Когда может.

– То есть никогда, – с издевкой заявил Этельстан. – Если язычники из Нортумбрии разоряют Мерсию, мы обязаны наказать их. Инглаланд будет страной, где правит закон. Христианский закон.

– А Ингильмундр принимает твой закон? – с сомнением спросил я.

– Принимает, – подтвердил принц. – Он подчинился моему правосудию сам и весь свой народ убедил.

Он нырнул под нависшую ольховую ветку. Мы проезжали через узкую полосу леса, куда осаждающие часто наведывались за дровами, и на стволах деревьев остались метки их топоров. За лесом я различал полосы камышей, означающие плоский берег несущего серые воды Мэрса.

– А еще он принимает наших проповедников, – добавил Этельстан.

– Ну разумеется, – откликнулся я.

Этельстан, к которому возвратилось хорошее настроение, расхохотался.

– Ну не можем же мы сражаться с норманнами просто из-за того, что они приплыли позже! – сказал он. – Мы сами когда-то были такими! И даже не можем сражаться из-за того, что они язычники.

– Мы все прежде были язычниками.

– Верно. Нет, мы боремся за то, чтобы обратить их в наш закон. Одна страна, один король, один закон. Если они закон нарушают, мы их должны покарать. А если соблюдают? Тогда нам следует жить с ними мирно.

– Даже если это язычники?

– Исполняя закон, поселенцы сами убедятся в истинности Христовых заповедей.

Неужели Этельстану потребовалось мое общество только для того, чтобы проповедовать блага христианского правосудия? Или познакомить с Ингильмундром, который явно произвел на него большое впечатление? Некоторое время, пока мы ехали вдоль южного берега Мэрса, принц рассказывал, как собирается укрепить Мамесестер, потом, потеряв терпение, перевел коня в галоп и оставил меня позади. Справа простиралась заросли камыша и илистые отмели, вода за ними казалась совершенно спокойной, и только налетавший иногда порыв ветра покрывал рябью ее поверхность. Подъезжая к бургу, я увидел все так же свисающий со стены флаг Этельстана, а у пристани были надежно пришвартованы два низких длинных корабля. Очевидно, сторонники Кинлэфа не предприняли попытки захватить Брунанбург, который, как выяснилось, оборонял гарнизон всего из тридцати воинов.

Въезжая в ворота, я заметил, что Этельстан спешился и направляется к высокому молодому человеку, который при приближении принца опустился на колени. Этельстан поднял его, обеими руками пожал его правую руку, а потом повернулся ко мне.

– Ты обязан познакомиться с Ингильмундром, – радостно объявил он.

Так вот он каков, этот норманнский вождь, которому разрешили поселиться так близко к Сестеру. Он был молод, на удивление молод, и поразительно красив, с прямым, как клинок, носом и длинными волосами, – перехваченные кожаным ремешком, они ниспадали почти до пояса.

– Я попросил Ингильмундра встретиться с нами здесь, – сообщил Этельстан. – Так что нам следует поблагодарить его.

– Поблагодарить за что? – осведомился я, как только сошел с коня.

– За то, что он не поддержал мятежников, конечно! – воскликнул принц.

Ингильмундр выждал, когда человек Этельстана переведет ему сказанное, затем принял из рук одного из своих спутников простую деревянную шкатулку.

– Это подарок в честь твоей победы, – пояснил он. – Лорд принц, он скромный, но это самое дорогое из того, что у нас есть. – Снова опустившись на колени, норманн положил шкатулку к ногам Этельстана. – Мы рады, лорд принц, что твои враги повержены.

– Без твоей помощи, – не удержался я от ремарки, пока Этельстан слушал перевод.

– Сильному не требуется помощь слабого, – возразил Ингильмундр.

Говоря, он посмотрел на меня, и я удивился серьезности, мелькнувшей в его голубых глазах. Норманн улыбался, держался скромно, но взгляд был настороженным. С ним приехали всего четверо, и, подобно спутникам, одет был вожь в простые штаны, рубаху и куртку из овчины. Ни доспеха, ни оружия. Единственное украшение – два амулета на шее. Один, вырезанный из кости, представлял собой молот Тора, другим был серебряный крест, инкрустированный камнями. Никогда прежде не доводилось мне наблюдать сочетания этих символов.

Этельстан снова поднял норманна.

– Ты уж прости лорда Утреда, – сказал он. – Ему повсюду мерещатся враги.

– Так это лорд Утред! – воскликнул Ингильмундр, и в голосе его прозвучало радостное удивление и даже восторг. Он поклонился мне. – Господин, для меня это честь.

Этельстан взмахнул рукой, подошел слуга и открыл деревянную шкатулку. Она, как я увидел, была полна рубленным серебром. Блестящие кусочки были нарублены из ожерелий и брошей, фибул и колец. Они шли в ход в качестве монеты. Оценивая сумму, купец взвешивал рубленное серебро. Подарок, как я мрачно подметил, далеко не пустячный.

– Ты щедр, – пробормотал Этельстан.

– Мы бедны, лорд принц, – ответил Ингильмундр. – Но благодарность наша обязывает предложить тебе дар, пусть и ничтожный.

А в своих избах, продолжал размышлять я, он, без сомнения, прячет клады из серебра и золота. Ну почему Этельстан этого не понимает? Или благочестивая надежда обратить язычников в истинную веру перевешивает подозрения?

– Через час мы проведем благодарственную службу, – сказал принц Ингильмундру. – Надеюсь, вы поприствуете и послушаете те слова, что скажет в своей проповеди отец Свитред. В этих словах заключена жизнь вечная!

– Лорд принц, мы будем слушать очень внимательно, – охотно пообещал Ингильмундр.

Меня так и подмывало рассмеяться. Он говорил все, что Этельстану хотелось услышать. Было совершенно очевидно, что Этельстану нравится молодой норманн, как и то, что он упорно не замечает хитрости под маской этого красивого лица. Принц видел в нем покорность, а ее христиане, как ни странно, почитают за добродетель.

Смиранный Ингильмундр разыскал меня после бесконечной проповеди Свитреда, на которую я не пошел. Я был на пристани Брунбург, смотрел лениво в корабельное чрево и мечтал оказаться в море, с парусом, полным ветра, и мечом на боку. Услышав стук шагов по доскам, я обернулся и увидел норманна. Он был один. Ингильмундр встал рядом и некоторое время ничего не говорил. Ростом он был с меня. Оба мы смотрели на пришвартованный корабль, и наконец Ингильмундр нарушил молчание.

– Корабли у саксов слишком тяжелые, – сказал он.

– Слишком тяжелые и медленные.

– У моего отца был как-то фризский корабль, – продолжил норманн. – Вот это был красавец.

– Так убеди своего приятеля Этельстана дать тебе корабли, – посоветовал я. – Чтобы ты мог уплыть домой.

Вопреки моему резкому тону, он улыбнулся:

– Корабли-то у меня есть, а вот где дом? Я считал своим домом Ирландию.

– Ну, вот туда и возвращайся.

Он пристально посмотрел на меня, как бы оценивая, насколько глубока моя враждебность.

– Думаешь, я не хочу вернуться? – спросил он. – Я бы хоть завтра, но Ирландия проклята. Ее не люди населяют, а настоящие демоны.

– Они убили твоего отца?

Ингильмундр кивнул:

– Им удалось разбить нашу «стену щитов».

– Но ты сумел вывести воинов из битвы?

– Сто шестьдесят три человека и их семьи. Девять кораблей.

В его голосе звучала гордость, и вполне законная. Отвод побежденных войск – одна из самых трудных задач в военном деле. Но Ингильмундр, если не врет, конечно, сумел проложить себе путь к побережью. Мне не составляло труда вообразить ужас того дня: рассыпавшаяся «стена щитов», вопли обезумевших воинов, истребляющих врага, всадники с острыми копьями, преследующие по пятам.

– Ты проявил себя молодцом, – похвалил я и перевел взгляд на два его амулета. – Так какому из богов ты молишься?

Вопрос вызвал у него смех.

– Тору, конечно.

– И при этом носишь крест.

Норманн ткнул пальцем в инкрустированное серебро.

– Это подарок моего друга Этельстана. Было бы невежливо прятать его.

– Твой друг Этельстан, – я выделил иронией слово «друг», – будет рад, если ты окрестишься.

– Да, знаю.

– И ты поддерживаешь в нем эту надежду?

– Неужели? – Его, похоже, забавляли мои вопросы. – А вдруг его бог могущественнее наших? Господин Утред, какое тебе дело до того, какому богу я поклоняюсь?

– Предпочитаю знать своих врагов, – ответил я.

Ингильмундр улыбнулся:

– Господин Утред, я тебе не враг.

– Тогда кто ты? Преданный вассал принца Этельстана? Поселенец, делающий вид, что ему интересен бог саксов?

– Мы теперь скромные поселяне, – ответил норманн. – Крестьяне, пастухи и рыболовы.

– А я скромный козопас, – буркнул я.

Он снова рассмеялся:

– Козопас, побеждающий в битвах.

– Что есть, то есть, – согласился я.

– Так давай позаботимся о том, чтобы мы всегда были на одной стороне, – спокойно предложил молодой вождь. Его взгляд был устремлен на крест на штевне ближайшего корабля. – Я не единственный, кого вытеснили из Ирландии, – продолжил он, и что-то в его голосе пробудило мое внимание. – Анлуф все еще там, да только надолго ли?

– Анлуф?

– Это самый влиятельный из вождей ирландских норманнов и владелец наиболее сильных крепостей. Даже тамошним демонам эти стены не по зубам. Анлуф видел в моем отце

соперника и отказался помогать нам. Но проиграли мы не по этой причине. Мой отец потерпел поражение, – произнося эти слова, он смотрел на мирно текущие воды Мэрса, – поскольку его брат и со своими людьми отступил до боя. Я подозреваю, что его подкупили ирландским золотом.

– Твой дядя?

– Его зовут Скёлль, – сказал он. – Скёлль Гриммарсон. Приходилось о нем слышать?

– Нет.

– Еще услышишь. Он властолюбив. К тому же у него есть могущественный колдун. – Ингильмундр помедлил и коснулся вырезанного из кости молота. – И он со своим чародеем уже в твоей стране.

– В Нортумбрии?

– Да, в Нортумбрии. Высадился севернее этого места, намного севернее. За следующей рекой. Как там она называется?

– Риббель.

– За Риббелем, где он собирает людей. Скёлль, да будет тебе известно, спит и видит сделаться королем Скёллем.

– Королем чего? – Я презрительно фыркнул.

– Нортумбрии, разумеется. И это вполне логично, разве нет? Нортумбрия, северное королевство под властью короля-норманна.

Его голубые как лед глаза впились в меня, и я поймал себя на мысли, что Ингильмундр – один из самых опасных людей, каких мне доводилось встречать.

– Но чтобы стать королем, ему, разумеется, нужно сначала победить Сигтригра, не так ли? – продолжил он доверительно.

– Да.

– А ему известно – да и кто этого не знает, – что тестем Сигтригра является прославленный лорд Утред. Если бы я был на месте Скёлля Гриммарсона и собирался перейти через горы, то первым делом озабочился бы услать лорда Утреда куда подальше.

Еще одна версия, ради чего меня выманили из Беббанбурга. Ингильмундр знал, что меня заставили скакать через всю Британию, а устроил эту пакость его дядя, которого он определенно ненавидит.

– И как бы Скёлль это провернул? – поинтересовался я.

Норманн снова уставился на реку:

– Мой дядя вербует людей, поселившихся к югу от Риббеля и даже, как мне говорили, в мерсийских землях.

– Допустим.

– А мой друг Этельстан настаивает, чтобы все эти поселенцы платили дань и принимали проповедников.

Я понял, что он намекает на того монаха, брата Осрика. Человека, вовлекшего меня в дикую прогулку через горы. Человека, который мне солгал. И дает понять, что послал этого монаха с его коварным поручением не кто иной, как Скёлль Гриммарсон.

– И как ты обо всем этом узнал? – полюбопытствовал я.

– Даже нам, скромным пахарям, хочется ведать о том, что происходит в мире.

– И даже простой пахарь не отказался бы от мести за вероломство по отношению к его отцу?

– Мои христианские наставники говорят, что месть – штука недостойная.

– Из твоих христианских наставников много какого дерьма лезет, – буркнул я.

Ингильмундр только улыбнулся:

– Совсем забыл сказать: принц Этельстан просил тебя присоединиться к нему. Мне поручили передать тебе весть. Господин, прогуляемся назад?

Вот такой оказалась первая моя встреча с Ингильмундром. Во время последующих наших встреч он был одет в кольчугу, увешан золотом и вооружен мечом, называвшимся Косторез, которого страшилась вся Северная Британия. Но в тот день на Мэрсе он оказал мне услугу. В своих интересах, разумеется. Он хотел отомстить дяде и не был еще достаточно силен, чтобы сделать это самостоятельно. Но придет день, когда он станет сильным. Сильным, опасным и умным. Этельстан обещал, что молодой норманн мне понравится. И он мне понравился. Но одновременно и напугал.

Этельстан потребовал, чтобы я поехал с ним в Брунанбург, и я решил было, что это для него просто возможность рассказать о своих планах в отношении Мерсии и Инглаланда или встретиться с Ингильмундром. Но как выяснилось, имелась другая причина. Принц ждал меня у ворот форта и, как только мы подошли, кивнул, приглашая прогуляться немного в восточную сторону. Ингильмундр с нами не пошел. Четверо телохранителей шагали следом, но держались поодаль, чтобы не слышать нашей беседы. Я чувствовал, что Этельстан обеспокоен. Он говорил о погоде, о планах восстановить сестерский мост, о надеждах на хорошую посевную – о чем угодно, кроме истинной цели нашей встречи.

– Что думаешь об Ингильмундре? – спросил он меня, полностью истощив тему про виды на урожай.

– Он умен, – сказал я.

– И все?

– Честолюбив, – добавил я. – Ненадежен и опасен.

Этельстана такой ответ явно огорчил.

– Я вижу в нем друга, – обиженно проговорил он. – И рассчитывал, что ты тоже увидишь.

– Почему?

– Он доказательство того, что мы можем жить в мире.

– На нем по-прежнему молот Тора.

– Как и на тебе! Но он меняется к лучшему! Стремится к истине. И у него есть враги среди норманнов, а это делает его другом для нас. Верным другом.

– Ты засылал к нему проповедников? – поинтересовался я.

– Да, двух священников. Они сообщают, что Ингильмундр искренен в стремлении к истине.

– Мне хотелось бы узнать о других миссионерах. О тех, которых ты отправил к норманнам, поселившимся к югу от Риббея.

– Мы послали шестерых вроде бы. – Принц пожал плечами. – Это были братья.

– Монахи то есть?

– Ну да, бенедиктинцы.

– Был у одного из них шрам, идущий через тонзуру?

– Да! – Этельстан остановился и озадаченно посмотрел на меня, но я никак не пояснил свой вопрос. – У отца Бедвульфа есть такой шрам. Он рассказал, что поссорился с сестрой в бытность ребенком, и любит хвастаться, что она сделала ему первую тонзуру.

– Лучше бы она ему глотку перерезала, – буркнул я. – Потому что я вспорю ему брюхо до самого хребта.

– Боже упаси! – ужаснулся Этельстан. – Тебя и так уже называют убийцей священников!

– Ну, тогда смогут называть еще и убийцей монахов. Дело в том, что твой брат Бедвульф – это мой брат Осрик.

Этельстан вздрогнул.

– Ты ведь не можешь знать наверняка, – неуверенно пробормотал он.

Я не стал спорить, но спросил:

– Куда ты послал этого брата Бедвульфа, или как его там?

– К человеку по имени Арнборг.

– Арнборг?

– Это норманнский вождь, державший некогда земли в Монезе. Валлийцы изгнали его оттуда, и он осел на побережье к северу отсюда. Сколько же он привел людей – около сотни? Да, сомневаюсь, что у него больше сотни воинов.

– Как далеко на севере?

– Он зашел с тремя кораблями в Риббель и обосновался на южном берегу реки. Поклялся хранить мир и платить дань. – Вид у Этельстана сделался озабоченным. – Тот монах высокого роста, да? С темными волосами?

– И со шрамом, который выглядит так, словно кто-то вскрыл ему башку от уха до уха. Я бы с удовольствием это сделал.

– По описанию похож на брата Бедвульфа, – уныло признал Этельстан.

– И я намерен разыскать его.

– Если это брат Бедвульф, то, может, он просто хотел помочь нам снять осаду? – сказал принц, снова оживившись.

– И поэтому назвал мне ложное имя? Солгал о том, откуда пришел?

Этельстан нахмурился:

– Если брат Бедвульф согрешил, его покарает мерсийский суд.

– Согрешил? – повторил я, хмыкнув.

– Он мерсиец, – не уступал Этельстан. – И пока он на земле Мерсии, я запрещаю тебе причинять ему вред. Он мог ошибиться, но это человек церкви и потому находится под моей защитой.

– Ну так защити его, – прорычал я. – От меня.

Этельстан вскинулся было, но потом взял себя в руки:

– Тебе следует представить его на мой суд.

– Лорд принц, я вполне способен и сам вершить правосудие, – заявил я все так же сердито.

– Нет, – твердо возразил он. – Только в Мерсии, где ты находишься под властью моего отца. – Этельстан замаялся, потом добавил: – И моей.

– Моя власть заключена вот здесь! – рявкнул я, хлопнув по эфесу Вздоха Змея. – И этой властью, лорд принц, я отправляюсь искать ярла Арнборга.

– И брата Бедвульфа?

– Разумеется.

Он распрямился в седле, бросая мне вызов.

– Если ты убьешь еще одного божьего человека, то станешь моим врагом.

На миг я замолчал, но на языке висел совет перестать вести себя как надменный маленький эрслинг. Я знал и защищал его с колыбели, он был мне как сын, но в последние годы попы изрядно потрудились над ним. И все-таки мальчик, которого я опекал, по-прежнему здесь, и разумнее было подавить гнев.

– Ты забываешь, что я дал леди Этельфлэд клятву защищать тебя, и сдержу ее, – сказал я.

– В чем еще ты поклялся?

– Служить ей – и исполнил обещанное.

– Исполнил, – согласился принц. – Ты хорошо ей служил, и она любила тебя.

Он отвернулся и стал смотреть на голые ветки болотного мирта на полосе влажной земли близ канавы.

– Помнишь, как обожала леди Этельфлэд болотный мирт? Она верила, что его листья изгоняют блох. – Это воспоминание заставило его улыбнуться. – И помнишь ли ты эту канаву?

– Помню. Тут ты убил Эрдвульфа.

– Да. Я тогда был совсем мальчишкой. Много недель меня потом мучили кошмары. Столько крови! Даже сейчас, ощущая аромат болотного мирта, я думаю о крови в канаве. Зачем ты заставил меня убить его?

– Потому что король обязан узнать цену жизни и смерти.

– И ты хочешь, чтобы после отца королем стал я?

– Нет, лорд принц, – ответил я, чем весьма изумил его. – Я хочу, чтобы королем стал Эльфверд, потому что это бесполезный кусок куньего дерьма и, если он вторгнется в Нортумбрию, я выпущу ему кишки. Но если ты спросишь меня, кто должен стать королем, я отвечу, что ты, разумеется.

– И ты однажды дал клятву защищать меня, – вполголоса сказал он.

– Я дал ее леди Этельфлэд и держал.

– Да, держал, – согласился принц, глядя на канаву, поверхность которой местами еще затягивал ледок. – Лорд Утред, мне нужна твоя клятва.

Так вот зачем он призвал меня! Неудивительно, что ему было не по себе. Этельстан повернул голову и посмотрел мне в глаза. На его лице застыла решимость. Он возмужал. Передо мной стоял уже не мальчишка и даже не молодой человек. Он стал таким же суровым и нестигаемым, как Альфред, его дед.

– Моя клятва? – повторил я, потому как не знал, что еще сказать.

– Мне нужна та же самая клятва, какую ты дал леди Этельфлэд, – спокойно проговорил он.

– Я поклялся служить ей.

– Знаю.

Я был в долгу перед Этельстаном. Он сражался рядом, когда мы отбили Беббанбург, и сражался славно, хотя вовсе не обязан был лезть в эту битву. Так что верно, я в долгу перед ним, но понимал ли он, что просит невозможного? Мы живем клятвами и умираем за них. Дать клятву – означает наложить на себя узду, а нарушение ее чревато карой богов.

– Я принес присягу королю Сигтригру, – напомнил я. – И не нарушу ее. Как могу я служить ему и тебе одновременно?

– Ты можешь поклясться, что не станешь противодействовать и мешать мне, – предложил принц.

– А если ты вторгнешься в Нортумбрию?

– Ты не будешь со мной сражаться.

– А как же присяга, данная моему зятю? – спросил я. – Моя клятва Сигтригру подразумевает, что в случае твоего нападения на Нортумбрию я обязан буду дать тебе отпор. Ты хочешь, чтобы я преступил через эту клятву?

– Это клятва языческая, – заявил он, – и потому не имеет цены.

– Как та, которую ты принял от Ингильмундра? – спросил я и не получил ответа. – Лорд принц, присяга Сигтригру определяет мою жизнь. – Его титул я произнес без пиетета. – Я поклялся леди Этельфлэд защищать тебя и буду тебя защищать. И если ты нападешь на Сигтригра, я постараюсь исполнить эту клятву, пленив, а не убив тебя в бою. – Я покачал головой. – Нет, лорд принц, я не могу дать присягу служить тебе.

– Мне жаль, – сказал он.

– А теперь, лорд принц, – продолжил я, – мне пора отправляться на поиски брата Осрика. Если ты, конечно, не планируешь меня остановить.

Этельстан мотнул головой:

– Не стану я тебя останавливать.

Я смотрел, как он едет прочь. Я злился из-за его просьбы дать клятву. Ему следовало лучше знать меня. Но потом напомнил себе, что парень вживается в роль правителя и теперь пробует свои силы.

Меня же интересовал Арнборг. Ингильмундр сообщил, что его дядя Скёлль Гриммарсон заручился поддержкой норманнов, поселившихся к югу от Риббеля. Как я понял, Арнборг находился в числе этих людей. Именно он приютил брата Осрика, он же брат Бедвульф, который солгал мне. Я хотел узнать, зачем он это сделал, и подозревал, что, отколовшись от нас в Мамесестере, брат Бедвульф двинулся назад, в крепость Арнборга. Поэтому, чтобы найти монаха, мне нужно идти на север.

В дикие земли.

Выступили мы не сразу. Лошадям потребовалось больше времени на отдых: с полдюжины животных хропали, многих нужно было заново подковать. Так что мы простояли три дня, потом двинулись на север, но первый отрезок нашего пути завел нас на восток, к солеварням, разбросанным в округе реки Виир. Тут горели огромные костры под железными чанами, а соль лежала кучами, подобно сугробам. Добычу соли здесь начали, понятно дело, римляне. Они развернулись широко и снабжали солью всю Британию. Чтобы облегчить работу, соорудили через болотистую равнину дорогу, сделав высокую насыпь из щебенки.

Я выслал вперед разведчиков. Впрочем, нужды в них особо не было: местность плоская, а дорога – прямая как копье. Проблем я не ожидал, но ведь только дурак путешествует по Британии, не приняв мер предосторожности. Кое-где мы проезжали через густые леса, и в таких местах дезертиры из войска Кинлэфа вполне могли подкарауливать незащищенных путников. Но даже оголодавшие и отчаявшиеся мятежники не осмелились бы атаковать моих дружинников, облаченных в кольчуги и шлемы и вооруженных мечами.

Зато вполне могли напасть на наших спутников: с нами шли восемнадцать женщин в монастырь, который Этельстан намеревался основать в Мамесестере, и дюжина купцов, застрявших в Сестере на время осады. Купцов, в свою очередь, сопровождали слуги, приглядывавшие за лошадьми, навьюченными ценным товаром: дублеными шкурами, серебряными изделиями мастеров из Глевекестра и отличными наконечниками для копий, откованными в Лундене. Одна лошадь везла труп сторонника Кинлэфа. Голова его ехала отдельно, завернутая в полотно. Голову и тело предстояло прибить к главным воротам Мамесестера в назидание всем, кто вздумает бунтовать против власти короля Эдуарда. Этельстан, державшийся после моего отказа холодно и отстраненно, попросил меня сопроводить купцов, обоз, монахинь и труп до Мамесестера.

– Я еду не туда, – возразил я.

– Ты едешь к Риббелю, – ответил он. – А добраться туда удобнее всего через Мамесестер.

– Мне не с руки, чтобы поселенцы-норманны узнали о моем приезде, – настаивал я. – А это значит, что по дорогам я не пойду.

Римские дороги довели бы нас до Мамесестера, а оттуда шел тракт на север до Рибелькастра, римского форта на Риббеле. Если следовать этим путем, наше путешествие станет намного легче: мало шансов заблудиться среди путаницы поросших лесом холмов, а в поселениях, по крайней мере крупных, всегда найдется амбар для ночевки, кузня, чтобы подковать лошадей, и таверна, где накормят путников. Но Арнборг, занявший, по моим предположениям, древний форт в Рибелькастре, наверняка наблюдает за дорогами. Поэтому я хотел подобраться к нему с запада, через занятые норманнами земли.

– Монахиням нужна защита, – упрямылся Этельстан.

– Ну так и защищай их, – отрезал я, и вот двадцать два копейщика принца выехали, чтобы сопроводить путников, среди них оказалась Сунгифу.

– Чего я не понимаю, так это зачем вам монастырь в Мамесестере? – спросил я у нее.

– Лорд Утред, монахини везде нужны, – ответила она.

– Мамесестер – приграничный бург, – заметил я. – Вся земля вокруг языческая, пугающая и опасная.

– Как ты?

Я посмотрел на нее с высоты коня. И предложил ей одну из заводных лошадей, но Сунгифу отказалась, заявив, что ученики Иисуса всюду ходили пешком, и ей с сестрами нужно следовать их примеру.

– Значит, я пугающий?

Сунгифу только улыбнулась. Она была невероятно красивой даже в темном балахоне с накидкой, скрывающей удивительно белые волосы.

– Для тебя же лучше, если я и правда пугающий, – продолжил я. – Потому что ужас передо мной тебя хранит.

– Господин, это Иисус хранит меня.

– От Иисуса не будет никакого проку, если из того леса выскочит шайка данов. – Я кивнул в сторону полосы голых деревьев на востоке и подумал об аббатисе Хильде, моей подруге, обитавшей ныне в далеком Винтанкестере, которую изнасиловали даны Гутрума. – Мус, это жестокий мир, – обратился я к ней по старому прозвищу, – и ты должна уповать на то, что воины, защищающие тебя, не уступают в жестокости твоим врагам.

– Господин, а ты жесток?

– Я создан для войны, – проворчал я. – А война жестока.

Ее взгляд устремился вперед, туда, где ехали всадники Этельстана.

– Хватит ли их, чтобы защитить нас?

– Скольких путников видела ты на этой дороге? – Мы направлялись на север, углубляясь в невысокие горы и оставив позади плоскую равнину с лениво текущими реками.

– Очень мало, – ответила она.

– Всего троих за сегодня, – уточнил я. – А почему? Потому что это опасный край. Обитают здесь по большей части даны и немного саксов. Пока Эдуард не построил в Мамесестере бург, тут правили даны, и было это всего лишь два года назад. Теперь на этой земле селятся норманны. На мой взгляд, безумие посылать тебя в Мамесестер.

– Тогда почему ты не хочешь охранять нас на всем протяжении пути?

– Потому что двадцати двух воинов достаточно, чтобы вас защитить, – с уверенностью заявил я. – И у меня срочное дело в другом месте. Хочу побыстрее добраться, срезав путь.

Меня терзало искушение проводить монахинь до Мамесестера, но искушение это подпитывалось одной только Мус. Она интриговала меня. В бытность замужем за епископом Леофстаном, эта крошка самозабвенно предавалась распутству, но Этельстан был уверен, что она стала раскаявшейся грешницей. Может, и так, но уточнять мне не хотелось.

– Чем займешься в Мамесестере?

– Возможно, приму постриг.

– А почему ты его до сих пор не приняла?

– Господин, не чувствовала себя достойной.

Я с сомнением посмотрел на нее:

– Принц Этельстан считает тебя самой добродетельной женщиной из всех, какие ему известны.

– Господин, принц – хороший человек, очень хороший! – с улыбкой воскликнула Мус. – Но не особенно разбирается в женщинах.

Что-то в ее тоне заставило меня снова посмотреть на нее, но на лице ее отражалась сама невинность, поэтому я не стал развивать тему.

– Так что ты собираешься делать в Мамесестере? – спросил я вместо этого.

– Молиться, – ответила она, и я скорбно вздохнул. – Ну и лечить хворых. – Мус одарила меня лучезарной улыбкой. – Господин, а что это за дело у тебя, из-за которого ты бросаешь меня?

– Нужно убить одного монаха, – отрезал я, а она, к моему удивлению, рассмеялась.

Мы расстались с ними на следующее утро и ушли на запад, в лесистые холмы. Я не был до конца откровенен с Мус: мы добрались бы быстрее, следуя римским дорогам, но мне нужно было подобраться к поселению Арнборга незамеченным, а это вынуждало идти через дикую местность, руководствуясь чутьем и солнцем. Я удвоил число разведчиков. Мы вступали в область, где данов усилили норманнские переселенцы. Лишь немногим саксам удавалось выжить в этих местах. Эти земли Мерсия считала своими, но здесь никогда не было мерсийских войск. Мамесестер, ближайший бург, располагался в глубине страны – то был дерзкий жест, которым Эдуард провозглашал себя властелином всего этого края к югу от бурга. Ирония в том, что многие из здешних обитателей даже не слышали про существование Эдуарда.

Земля была обильной, но скудно населенной. Деревни не встречались. В южной Мерсии и в Уэссексе, ставшими теперь, надо полагать, одним государством, селения представляли собой скопища лачуг. Они жались к церкви и даже не были обнесены частоколом. Здесь же картина оказалась иной: дома прятались не иначе как за прочным бревенчатым палисадом. Мы эти крепостцы обходили стороной. Питались всю дорогу твердым сыром, черствым хлебом и копченой селедкой – эту провизию выдал нам дворецкий Этельстана. Для лошадей запаслись сеном в мешках, потому как до весенней травы оставалась еще не одна неделя. Спали в лесу, согреваясь кострами. Люди эти костры замечали и гадали, кто их развел, но мы находились еще довольно далеко от Риббеля, и я не опасался, что до Арнборга дойдет весть про чужаков. Местные обитатели наверняка видели нас, хотя нам на глаза не попадались, но все, что они могли разглядеть, – это отряд из девяноста всадников со слугами и заводными конями. Знамени мы не несли, волчьи головы на щитах повыщвели. Заметившие нас, если таковые были, ближе подходить боялись: край опасный и чужаки пугали.

К исходу следующего студеного дня мы увидели Риббель. Вечер был хмурый, серое небо нависало над синим морем, а перед нами простиралось широкое устье реки, где за илистыми отмелями тянулись бесконечные болота. Из дюжины поселений, разбросанных в эстуарии, поднимались в неподвижный воздух дымки. Ни один корабль не нарушал покоя речного фарватера, петлявшего между мелями, хотя я видел десятка два рыбачьих лодок, вытянутых на сушу выше приливной отметки. Сейчас был почти пик отлива, и некоторые из отмечающих каналы веж обнажились; вода кружилась между ними, несомая быстрым течением. Отливы здесь сильные, и река стремительно уходила в море.

– Хорошая жизнь, – пробормотал Финан и был прав.

Я видел верши в путанице каналов, берега и поверхность воды усеивали птицы, морские и сухопутные: лебеди и цапли, кулики и ржанки, гуси и песчанки.

– Боже правый! – продолжил Финан. – Ты только посмотри на здешнюю дичь! Тут с голоду не умрешь!

– Тут и лосось хороший, – вторил я.

Дудда-корабелщик, переправлявший нас как-то через Ирландское море, рассказывал мне, как замечателен Риббель для лосося. Дудда был пьяница, но отлично знал побережье. Он не раз рассказывал о своей мечте поселиться где-нибудь близ устья Риббеля, и теперь я понимал почему.

Жили здесь норманны. Едва ли они заметили нас. Мы медленно приближались к реке, держа в поводу лошадей и двигаясь только по сигналу разведчиков. Большинство моих людей и лошадей находилось в болотистой низине, покрытой затянутыми льдом лужицами и ломким камышом, и было скрыто от обитателей реки пологим холмиком с деревьями и кустарником на вершине. Медленно и осторожно поднявшись по склону, чтобы не спугнуть с гнездовий птиц, я присоединился к своим воинам. Передо мной открылся вид на весь эстуарий. Я видел богатые усадьбы. Слишком много усадеб. Едва мы выберемся из льдистой низины, нас заметят, новость о появлении вооруженных чужаков распространится по приречным землям, и Арнбург, где бы он ни находился, будет предупрежден о нашем приближении.

Я внимательно рассмотрел ближайшую из усадеб. Изрядных размеров дом и амбар окружал недавно отремонтированный палисад. Солома на одном из низких зданий была новой, а из дыры в крыше поднимался дым. Мальчишка с собакой гнали овец к открытым воротам, возле которых стоял, согнувшись, мужчина. До него было далеко, но Финан, имевший самые зоркие глаза из всех мне известных, сообщил, что кольчуги на незнакомце нет и оружия он не держит.

– Отправимся туда ночью, – сказал я Финану. – Ты, я, Берг и Кеттил.

Не было нужды объяснять, что я замыслил. Финан кивнул.

– А второй отряд? – спросил он.

– Эдрик может выбрать с дюжину парней.

Финан поднял взгляд к затянутому облаками небу.

– Луны не будет, – предупредил он, намекая, что в полной темноте нам не составит труда сбиться с пути и беспомощно проблуждать всю ночь.

– Значит, пойдем медленно и осторожно, – отрезал я.

Я понаблюдал за тем, как последняя овца входит в усадьбу и ворота закрываются. Неотесанные бревна там, где частокол был подправлен, говорили о том, что владелец имения не поскупился на затраты, чтобы сделать свой дом безопасным, но караульный на воротах совсем не выглядел бдительным. Мой отец говаривал, что неприступной делают крепость не стены – охраняющие их люди берегут твоих женщин от надругательства, детей от рабства, а скот от забоя. По моему предположению, находящиеся внутри усадьбы прежде всего думали о тепле. Стоял студёный зимний вечер, скотину благополучно загнали в овчарню, и любой здравомыслящий человек мечтал оказаться поближе к очагу, уверенный, что волки остались снаружи.

Мы ждали до глубокой ночи. Нас трясло от холода, но разводить костры мы не стали. Единственным светом оставался отблеск огней кучки домов. В ближайшем от нас света не было – только поначалу через дыру в крыше пробивалось слабое сияние, но потом и оно погасло. А мы все ждали, борясь с дремотой, которая наваливалась сильнее из-за холода.

– Скоро согреемся, – пообещал я.

Я постарался хорошо запомнить местность и знал, что предстоит пересечь пастбище, найти канаву и следовать по ней на северо-запад, пока не дойдем до неровной изгороди из кустов, что приведет нас на восток, к тропе, по которой гнали овец, а уж по ней мы доберемся до ближайшей усадьбы. Нам предстоит стать скедугенганами, Движущимися Тенями, созданиями ночи.

Неудивительно, что ворота закрывали на ночь, а двери главного дома запирали на засов, ибо скедугенганы рыщут в темноте. Это оборотни: они могут прикинуться зверем, например волком или быком. Эти существа являются в мир людей, чтобы сеять на земле страх. Они не живые и не мертвые. Это ужас, приходящий из тени. Наконец мы перебрались через пастбище, осторожно двигаясь в полной темноте. Мне вспомнилась старинная поэма, песнь о Беовульфе, которую часто исполняли в доме отца, и до сих пор поют в том же самом доме, теперь моем. «*Com on wanre niht. Scriðan sceadugenga; sceotend scoldon*», – восклицает арфист, и слушатели вздрагивают, представляя, как нечисть рыщет в темноте. «Затем из ночи появляется Движущаяся тень, крадущийся воин». И мы стали крадущимися воинами.

Раз за разом я повторял про себя этот стих, пока мы шли от зарослей к канаве. «*Scriðan sceadugenga; sceotend scoldon, scriðan sceadugenga; sceotend scoldon*». Снова и снова шептал я бездумно эту фразу, отпугивая демонов. Дорога до усадьбы показалась такой долгой, что я испугался уже, не сбились ли с пути. Наконец уловил запах дыма, а Финан разглядел, должно быть, слабое свечение слева от нас, потому что потянул меня за плащ.

– Сюда, – прошептал ирландец.

Мы двинулись по тропе. Теперь под ногами не было травы, только прихваченная морозом грязь, овечьи катышки и конский навоз. Но тонкая полоска света, пробивающаяся через ставни господского дома, указала нам на щель между бревнами частокола. Не залаяла ни одна собака,

никто не окликнул нас, и наконец мы добрались до усадьбы. Ворота держались на двух высоких деревянных столбах, в которые вбиты были железные петли. До нас не доносилось никаких иных звуков, кроме наших собственных шагов, тихих вздохов ночного ветра; где-то далеко лаяла лисица, ухала сова.

– Готовы? – прошептал я, обращаясь к Бергу и Кеттилу.

– Готовы, – отозвался Берг.

Я прислонился спиной к воротам, сцепил руки, сделав из них ступеньку. Берг, молодой и сильный, оперся руками мне на плечи, поставил одну ногу мне на ладони и оттолкнулся. Я подсадил его. Когда он оседлал ворота, раздалось поскребывание, и я ожидал услышать собачий лай.

– На месте, – тихонько доложил Берг. Он спрыгнул с другой стороны ворот, и я подсадил Кеттила. Он последовал за Бергом, и, по-моему, произведенный ими шум мог разбудить мертвого, особенно когда они вынимали из скоб тяжелый запорный брус. По-прежнему никакого лая. Берг и Кеттил отворили ворота, петли скрипнули.

– Зови Эдрика, – распорядился я, и Финан издал короткий резкий свист.

Люди Эдрика вошли следом за нами и рассредоточились по всей усадьбе. Их задачей было не дать никому уйти через калитку, которую мы не видим, или перебраться верхом, как это сделали Берг и Кеттил. Сам Эдрик и два его человека подошли к нам, когда Берг и Кеттил распахнули большие ворота.

– Господин, все идет гладко, – доложил Кеттил.

– Пока.

И в этот миг проснулись собаки. Их было две. Они залаяли где-то слева от меня, но их, видимо, привязали, потому что ни одна не бросилась. Заблеяли овцы, отчего собаки залились еще пуще. Мы с Финаном подошли к двери в дом, и я услышал, как кто-то задвигался в дальнем его конце. Потом женский голос скомандовал псам замолчать. Я обнажил Вздох Змея, а Финан вытянул из длинных ножен Похитителя Душ. Я собирался ломать дверь, но, похоже, кто-то уже открывал ее изнутри: я услышал, как поднимают запорный брус и отодвигают деревянный засов. Дверь отворилась, на двор упало светлое пятно. Внутри дома слуга подкинул дров в огонь, пламя разгорелось, и в более ярком свете я различил двух мужчин. Оба были с непокрытой головой и без кольчуг, но с длинными копьями в руках. Они располагались в паре шагов за дверью. Между ними стояла закутанная в одеяло женщина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.